

Лариса Капицына

Дело №346

Лариса Капицына

Дело №346

«Издательские решения»

2015

Капицына Л. В.

Дело №346 / Л. В. Капицына — «Издательские решения», 2015

Егор Иванович Тучков ненавидит жену, не ладит с коллегами, спивается – морально деградирует. Однажды, посмотрев телевизор, он узнает о существовании некой Материи, которая устраняет порочных людей с помощью агентов – безжалостных существ, внешне очень похожих на людей. Агенты заманивают жертву в безлюдное место и лишают жизни. Тучков не придает значение услышанному, но на следующий день по дороге на работу ощущает на себе чье-то воздействие и замечает вокруг себя странных людей...

© Капицына Л. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дело №346
Лариса Валерьевна Капицына

© Лариса Валерьевна Капицына, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

В пятницу, согласно плану, должен был скончаться Тучков Егор Иванович, 42 лет, стоматолог-терапевт высшей категории, человек неприятный, конфликтный, сам факт существования которого не вызывал у окружающих ничего, кроме неприязни и раздражения.

С женой Егор Иванович жил как кошка с собакой, с коллегами ссорился по пустякам и распускал про них глупые слухи. Друзей не имел. Даже приятелей не имел. Из родственников у него осталась только тетка, сестра покойной матери, но она проживала в другом городе, и Егор Иванович не интересовался ее судьбой. Знакомые у него, конечно, были, но даже самые дружелюбные из них считали, что Егор Иванович – человек мутный, язвительный, скользкий. Поговоришь с ним минут пять, а потом полдня ходишь как оплеванный: как-то умел он даже в коротком, пустом разговоре ввернуть обидное словцо, ковырнуть за больное, поделиться какой-нибудь мерзкой сплетней, и всегда при этом противно улыбался. Неприятный тип. К тому же, в последнее время Егор Иванович потихоньку спивался, что также служило поводом для конфликтов на работе и дома. Словом, не нашлось бы никого, кому Тучков был не безразличен и кто всполошился бы, случись с ним страшное. Идеальный кандидат для жертвы.

Сам Тучков ни о каком плане, разумеется, ничего не знал, но в пятницу, в конце рабочего дня, сидел в своем кабинете на втором этаже частной клиники «Улыбка на все сто» и дрожал от страха.

Чтобы унять дрожь, он отпивал из одноразового стаканчика, предназначенного для споласкивания рта, дешевый коньяк и заедал его шоколадкой. Еще пару дней назад Егор Иванович дал себе слово избегать крепких напитков, в основном по двум причинам: первое – тупая боль в правом подреберье и желтая, тягучая слюна говорили о серьезных проблемах с печенью, второе – последний разговор с начальником, тоже не суливший в перспективе ничего хорошего. Разговор настолько неприятный, что о нем и вспоминать-то не хотелось.

Дмитрий Николаевич вызвал Тучкова к себе и напомнил, как три года назад, памятуя об их давнем знакомстве, он пригласил Тучкова в свою замечательную клинику и предоставил все условия, чтобы Егор Иванович мог достойно трудиться и прилично зарабатывать, и теперь просто не понимает, в чем причина такой неблагодарности, такого поведения: пациенты жалуются на грубость, коллеги от Егора Ивановича тоже не в восторге, а главное, до него дошла информация, что от Егора Ивановича частенько пахнет перегаром. Шеф хотел знать, правда ли это? Вернее, он спросил, есть ли у него основания для беспокойства, потому что он на пушечный выстрел не допустит к пациенту пьющего врача. Ему только судебных исков не хватало! На фразе «дошла информация» Егор Иванович поморщился и бросил на шефа неприязненный взгляд – сказал бы прямо, коллеги настучали! Нет, нужно все обличать в заумные слова. Впрочем, он всегда был такой.

Шеф не употреблял грубых слов, никогда не повышал голос. Он считал, что начальник, который орет на подчиненных и брызжет слюной – не обладает выдержкой. Дмитрий Николаевич всегда был корректен с сотрудниками, даже с теми, кого терпеть не мог. Он не хотел быть тираном. Он хотел быть боссом, которого любят.

Подчиненные, те его прямо обожали!

Мужчины считали его человеком энергичным, предприимчивым, который умеет «решать вопросы» и чувствует себя в бизнесе как рыба в воде, толковым руководителем, способным, не напрягая людей, держать их в тонусе. А еще коллеги мужского пола единодушно отмечали удачливость шефа. Деньги к такому сами в руки плывут.

Дамам нравилась его мужественная внешность, воспитанность, сдержанный, элегантный стиль, и Тучкову часто приходилось слышать, как они восторженно шушукались, обсуждая

трогательные романтические отношения шефа с женой (Видели огромный букет роз в кабинете у шефа? Для супруги. По какому поводу? А нет никакого повода. Просто хочет сделать ей приятное. Вот это любовь! Вот это отношения!) и всегда вздыхали, сожалея, что у такой красивой пары нет детей.

Слушая этот бред, Егор Иванович всегда усмехался, потому что у него было о Дмитрие Николевиче свое, отличное от других мнение, которое до этого противного разговора он благоразумно держал при себе.

В девяносто пятом году они вместе заканчивали медакадемию, и он знал про шефа побольше, чем эти клуши. Например, он знал, что когда-то, задолго до того, как стать владельцем частной клиники, небольшого загородного особняка и престижного автомобиля, шеф не имел даже собственного угла и проживал в комнате институтской общаги вместе с двумя сожителями, такими же приезжими нищобродами, как и он сам; что он годами носил дурацкий свитер в катышках и ездил в битком набитом автобусе по проезднему; и что, хотя шеф женат на высокой темноволосой женщине, его слабость – маленькие блондинки с пышными формами и ямочками на щеках. Над его общажной кроватью два года висела огромная фотография Мэрилин Монро, и как не материла его маленькая злобная комендантша, категорически запрещающая поганить казенные стены, он упорно ее не снимал. Потом, когда у него появилась девушка, тоже блондинка, бумажная Мэрилин отправилась в мусорное ведро, потому что не шла с этой девушкой ни в какое сравнение. Он не променял бы свою возлюбленную и на десяток кинозвезд. Фото этой девушки он вешать на стену не стал: не хотел, чтобы сожители, озабоченные пошляки, пялились на его невесту, почти жену, и бережно хранил ее портрет в ящике своего стола между паспортом и зачеткой. Тучков знал много других, можно сказать, интимных подробностей, которые неизбежно узнаешь о человеке, если в течение нескольких лет бок о бок сидишь с ним на лекциях, иногда занимаешь ему деньги до стипендии и часто ходишь в кино за компанию, с ним и его девушкой – блондинкой с ямочками на нежных щеках. Эти совместные походы и привели к тому, что блондинка ушла к Тучкову, вышла за него замуж и вот уже двадцать лет капля по капле старательно высасывает из него жизнь.

И насчет выдержки шефа – еще большой вопрос. Много лет назад этот «выдержанный» человек основательно ударился в запой, потому что его девочка, его малышка резко сменила курс и предпочла более перспективного парня. Закинув Тучкову на плечи нежные, полноватые руки, блондинка регулярно сообщала ему своим низким бархатным голосом, что бывший поклонник каждый вечер подкарауливает ее в подъезде, пьяный, в соплях, с галстуком, съехавшим набок, и умоляет ее вернуться. Иногда стоит на коленях. Плачет. И всегда добавляла, что в такие минуты он вызывает у нее отвращение. Угомонился он, только когда наученная Тучковым блондинка пригрозила накатать заявление в милицию. Она тогда делала все, что велел Тучков, смотрела на него с обожанием: вообразила, идиотка несчастная, что после окончания института он поднатужится, сделает карьеру и годика через два-три завалит ее мехами и бриллиантами...

А еще в то утро Тучкову очень хотелось выпить, и это мучительное желание делало его раздражительным и агрессивным. Все выводило его из себя: и просторный кабинет шефа, и его элегантный костюм, и снисходительный тон. Шеф обращался к нему на «ты», но по имени-отчеству, как не обращаются к старым приятелям наедине, разговаривал сухим, официальным языком, подчеркивая, что отношения между ними сугубо деловые, и что в этих отношениях у Егора Ивановича унижительная, подчиненная роль. Тучков давно подозревал, что вот для таких-то моментов его и пригласили сюда работать три года назад, чтобы прикрываясь должностной субординацией, унижать его, тешить некогда пострадавшее самолюбие.

Вальяжно развалившись на стуле и предусмотрительно спрятав подрагивающие руки в карманах белого халата, Егор Иванович дерзко сказал: «В чем проблема, Дима?» – отмечая, как поморщилось лицо шефа от такой фамильярности. – Нужно быть терпимее к окружаю-

щим. У каждого есть свои маленькие слабости. Я пью, ты хочешь трахнуть мою жену. Все мы не ангелы». Тут Егор Иванович нагло улыбнулся и подмигнул шефу, желая показать, что не только не считает его своим благодетелем, но и отлично понимает причину такой придирчивости. Он рассчитывал, что шеф обалдеет от такой откровенности, захлопает глазами: «Да ты что, Егор! Откуда такие мысли? Столько лет прошло... Я уже не помню, как она выглядит...» Егор Иванович любил смущать собеседников, ловить на лицах растерянность, смятение... Водилась за ним такая слабость.

Напрасно он так сказал. И подмигнул тоже зря.

Шеф действительно сперва обомлел, а потом произошло то, чего никогда прежде не бывало: резко перегнувшись через стол, он схватил Тучкова за отвороты халата, приподнял над стулом и хорошенько потряхнул, так что медицинская шапочка на голове Егора Ивановича съехала на затылок. Дмитрий Николаевич приблизил к нему свое перекошенное от злости лицо, и Тучков окунулся в ароматное облачко одеколона, которым шеф пользовался каждое утро после бритья.

– Завязывай с пьянкой или пиши заявление об уходе, говнюк! – Заметив, что Тучков сжался и даже зажмурил глаза от страха, Дмитрий Николаевич брезгливо швырнул его обратно на стул.

Не ожидавший такой реакции Егор Иванович струсил, начал бормотать что-то про недоброжелателей, про наговоры, но шеф не стал его слушать.

– Первое и последнее предупреждение тебе. – жестко сказал он и не глядя на Тучкова, небрежным жестом велел ему убираться.

Егор Иванович вышел из кабинета, втянув голову в плечи, и аккуратно прикрыл за собой дверь.

«Сорвался, сволочь, показал свое истинное лицо. Стоило упомянуть стерву, и – пожалуйста! Двадцать лет прошло, а он так и не простил. – Не смотря на пережитое минуту назад унижение, Егор Иванович усмехнулся, потому что шеф тосковал по его жене, а это все равно, что скучать по геморрою. «И ведь уволит. И рука не дрогнет. Кретин! – подумал Тучков, с запоздалым достоинством расправляя плечи и возвращая шапочку в первоначальное положение. – Лучше сказал бы мне спасибо, за то что я встал тогда на пути вашего счастья, а то был бы сейчас на моем месте, озлобленный и пьющий. За пару лет стерва сделала бы из тебя человека.» Так подумал Егор Иванович, но впредь решил «воздерживаться» – терять работу не хотелось. К тому же во рту стоял горький привкус желчи и сильно ныло в боку. «Нужно притормозить, взять себя в руки... Больше ни капли. – пообещал себе Егор Иванович и направился в свой кабинет, где его давно ожидал пациент.

Это было в среду, а в пятницу Тучков пил прямо на рабочем месте, наплевав на шефа, на жену, даже на собственную печень. Ему было страшно.

Через приоткрытую дверь своего кабинета, он слышал как в холле администратор Кристина, длинноногая, грудастая блондинка, громко говорила по телефону какому-то Вазгену, что она свободная женщина, – он ее не купил пока что, да, вот так вот! она будет улыбаться кому захочет и когда захочет, точка! – и ее противный голос, обычно доводивший Тучкова до белого каления, сегодня действовал на него успокаивающе. Пока она здесь, с ним ничего не сделают. Не посмеют при свидетелях. Главное, не подходить к ней слишком близко, не затевать разговоров и не пропустить момент, когда телефонный конфликт иссякнет, потому что как только это случится, она подхватит сумку и побежит в бар, кафе, ресторан, или куда там придумает ее хахаль, – мириться, а для Егора Ивановича рухнет последняя надежда на спасение, ведь, не считая самого Тучкова, сегодня в клинике, кроме нее, не было ни души. Правда, внизу, у входа сидела гардеробщица, но она была старая и бестолковая, и Егор Иванович на нее не рассчитывал, к тому же, сидя на первом этаже, она могла не услышать, как на втором из него аккуратно сделают труп.

Он выставил на кондиционере минимальную температуру, и маленькая белая комната со стоматологической установкой в центре, сразу наполнилась холодом. «Как в морге, – подумал Тучков и быстро передернул плечами, отгоняя не к стати пришедшую мысль.

Тучков подошел к столику для инструментария, откинул стерильную салфетку и стал перебирать инструменты, остановился на штыкообразном зонде – тонкой железке с острым прямым наконечником. Егор Иванович зажал зонд в правой руке, подумал: «В глазное яблоко или в сонную артерию? В глаз – попаду наверняка. Сразу шок, обильное кровотечение... Только нужно ударить резко, неожиданно» – и сделал несколько энергичных замахов. Получилось не очень эффектно: из-за резких движений Егор Иванович покачнулся и вынужден был ухватиться за край столика, а главное, не смотря на крепкое сжатие, зонд выскользнул из потной ладони и звякнул о серую плитку пола. Егор Иванович уставился на эту бесполезную железку на полу, а потом, повалившись на стул, сказал себе, что все это ужасно глупо. Не сможет он никого ударить, а тем более убить, а даже если и сможет, движимый страхом и чувством самосохранения, это все равно ничего не даст. Нечего размахивать руками и изображать из себя супермена, нужно подумать головой. Он потянулся за стаканчиком, сделал большой глоток и стал обдумывать свое положение.

Как всякий, попавший в тяжелую ситуацию человек, Егор Иванович – в который раз за сегодняшний день! – задался вопросом: почему, ну почему именно он? Вокруг столько негодяев, жулья и какого! пробы ставить некуда, а прицепились именно к нему. Что он кому сделал плохого? На секунду страх вытеснила жалость к себе, Егор Иванович горестно вздохнул и глотнул коньячку.

Потом он подумал: что произойдет, если не делать ничего? Не сопротивляться, не доискиваться причин, а постараться расслабиться и с некоторой долей иронии – насколько это возможно в его положении – понаблюдать за всем со стороны. Абстрагироваться. Так он поступал всегда в сложных ситуациях, и это всегда шло ему на пользу. Двадцать лет назад он сделал исключение, повел себя как настырный баран и до сих пор сожалеет об этом. Так зачем наступать на те же грабли, сопротивляться, упорствовать? Почему не отсидеться здесь, в клинике, спокойно попивая коньячок, думая о чем-нибудь приятном, предоставив событиям идти своим чередом? Затаиться, сделаться тихим, незаметным, как мышь. В конце концов, кто знает, может, к нему потеряют интерес и оставят его в покое, и тогда, почувствовав, что ему ничего не угрожает, он спокойно пойдет домой. По пути он будет улыбаться каждому встречному, он будет дружелюбным как никогда и, может быть, на радостях – почему бы и нет? – купит цветы для жены. Егор Иванович улыбнулся, представив, какое глупое будет у нее лицо, когда он протянет ей букет и как она весь вечер будет гадать, какое завуалированное оскорбление скрыто в этом неожиданном подарке. Конечно, сейчас он на нервах, и расслабиться будет нелегко. Но у него получится. У него уже получается. Постепенно он расслабится настолько, что когда администраторша умчится на встречу со своим ревнивцем и бросит его здесь одного, он и бровью не поведет.

Не поведет и бровью.

А потом произойдет вот что: минут через сорок после ее ухода, на второй этаж устало поднимется гардеробщица, слегка удивленная тем, что он долго не спускается, робко просунет в дверь голову и, полагая, что он задумался о чем-то или задремал, тихонько позовет его по имени, напомнит, что пора закрываться. Он устремится ей навстречу, но она его не увидит, а испуганно уставится на что-то у него за спиной, вздрогнет, а потом истошно завопит, и проследив за ее взглядом он обернется и упрется глазами в то, что приведет ее в такой ужас: сидящее на стуле собственное мертвое тело в белом халате и зажатым в руке стаканчиком. И пока он будет разглядывать самого себя откуда-то со стороны и немного сверху – он уже испытал сегодня это странное ощущение и ни за что не хотел пройти через это снова! – ста-

руха, не переставая голосить, бросится в холл, к телефону... Вот что произойдет, если сидеть здесь расслабившись и ничего не предпринимать.

Что будет с его телом, он примерно представлял, а о том, что станет с ним самим даже думать не хотел.

И потом он все равно не сможет, когда уйдет Кристина, сидеть здесь один, среди пустых кабинетов-ловушек, а тем более иронизировать по этому поводу. У него просто не хватит духу. Даже сейчас, когда она здесь, у него потеют руки от страха и бьется какая-то жилка на виске. Поэтому он сказал себе, что это, конечно, замечательная тактика – вечно отсиживаться в кустах, но сегодня она ему не поможет, и если он не хочет действительно полюбоваться, как через пару часов санитары Скорой помощи, матерясь и беззлобно переругиваясь, попытаются спустить по узкой винтовой лестнице носилки с его трупом, лучше ему все-таки напрячься и придумать что-нибудь.

Вариант с полицией он отмел сразу. Если сегодняшней день и научил его чему-то, то только тому, что нельзя совершать необдуманных поступков, даже если они кажутся вполне логичными. Сперва подумай – потом делай.

Допустим, он позвонит в полицию, что вполне логично. Вполне логично позвонить в полицию, когда тебя собираются отправить на тот свет. Но если объяснить все как есть, то в полиции его сочтут шутником или пьяным и пошлют подальше. Даже вызов не зафиксируют. Никто не поверит в такое. Он и сам бы не поверил до сегодняшнего дня. А те, кого он опасался, обозлятся за такие фокусы и покончат с ним гораздо быстрее, чем он успеет придумать другой способ защиты.

«Нужно понять их логику и сломать схему... Нужно вспомнить, что говорил вчера этот чокнутый из передачи.»

Егор Иванович внимательно прислушался к голосу в холле.

– Я всегда знала, что ты жмот, всегда это говорила. Подарил задрипанный телефон и будешь попрекать им до самой пенсии...

Конфликт набирал обороты. Егор Иванович потихоньку прикрыл дверь, потому что хотел слышать голос Кристины, но не собирался вникать в суть ее глупых претензий – у него были заботы поважнее.

Все началось не сегодня, а вчера. Вчера он посмотрел эту дурацкую телепередачу, что было странным само по себе, потому что Егор Иванович редко смотрел телевизор, разве только новости или бандитские сериалы, не требующие большого умственного напряжения – те, что можно начать смотреть с середины и сразу уловить суть, – да и то под настроение.

Но вчера он не просто посмотрел телевизор, а прошелся по всем каналам, насмотрелся и наслушался такой дряни, что волосы встают дыбом, а все потому что у него был выходной, долгий, нудный выходной, один из тех дней, которые тянутся целую вечность, когда не знаешь куда себя деть, на что убить время, а под конец начинаешь тихо сходить с ума от безделья.

Самое странное, что дел было множество. Он заранее записался на прием к врачу, знакомому диагносту, которому полгода назад ставил мосты, чтобы проконсультироваться по поводу боли в боку и прочих неприятных симптомов. Диагност велел с утра ничего не есть и явиться в поликлинику, часикам к восьми, чтобы сдать анализы и пройти первичный осмотр. Затем нужно было посмотреть две квартиры в разных районах, для себя и для жены. Агент по недвижимости, занимающийся разменом, нашел подходящий вариант и надоедал Тучкову звонками, рассчитывая на комиссионные в случае удачной сделки. Еще Егор Иванович решил раскошиться и купить новые кроссовки, взамен старых, в которых ходил весь год, кроме зимы – из магазина спортивных товаров пришла рассылка с оповещением о скидках. А в завершении, после всех праведных трудов, Егор Иванович собирался, пользуясь тем, что жены не будет дома, принять ванну, полежать в теплой душистой пене, потягивая коньячок, не опасаясь, что через каждые пять минут ему будут барабанить в дверь и напоминать, что он живет здесь

не один, говорить, что ничтожеству не стоит заводить барские привычки, что никакая ванна ему не поможет, хоть неделю там лежи, нутро-то ведь не отмоешь, а нутро у него гнилое... В общем много чего мог услышать Егор Иванович, если бы вздумал принимать ванну, когда жена была дома. Стерва она и есть стерва. Что с нее возьмешь?

Тучков надеялся, что этот день будет очень продуктивным, и даже слегка повздорил со своей коллегой, которая тоже хотела уйти в отгул: у нее приболел ребенок. Она подошла к нему после работы и попросила с ней поменяться. Егор Иванович ответил, что дети – это прекрасно, что он все понимает, но не намерен из-за чьи-то глупых капризов менять свои планы, у самого дел по горло. Она метнула на него злобный взгляд и пробормотала что-то вроде того, что, мол, ничего другого она не ждала и что не стоило рассчитывать на понимание такого человека, как Тучков.

Но как-то так вышло, что он никуда не пошел, а весь день провалялся дома.

К врачу он не поехал, потому что проспал. К тому же с утра у него ничего не болело, а когда за завтраком он пропустил пару рюмашек, самочувствие и вовсе стало отличным. Данное самому себе обещание о воздержании, он нарушил, как только проснулся. Но, уж конечно, не потому, что был безвольным слабаком и не потому что, едва проснувшись, первым делом подумал о бутылке, лежащей в портфеле, и пока не опрокинул стопку, ни о чем другом и думать не мог, а потому что... ну, не завязывать же вот так, сразу! Лучше постепенно уменьшить дозу, пропить кое-какие препараты для снятия интоксикации, и вообще! Он действительно немножко увлекся в последнее время, но записывать его в алкоголики – извините! Правда, печень давала о себе знать, но какая печень выдержит ту отраву, что изредка готовит его жена, а чем общаться со стервой на трезвую голову – лучше уж сразу наложить на себя руки. И рассуждая таким образом, Тучков с чистой совестью разбавил коньяком утренний чай. Уж с кем с кем, а с самим собой Егор Иванович договариваться умел!

На встречу с риэлтором он тоже не поехал. Когда тот позвонил, Тучков соврал, что сейчас на работе, что у него пациент, что он сам перезвонит ему, когда освободиться. И бросил трубку. Конечно, избавиться от стервы – заманчивая перспектива, и ему нравилось обсуждая с риэлтором разные варианты, представлять себе маленькую холостяцкую квартирку (никакого барахла, только необходимый минимум, чистота, порядок, а главное, рядом нет вечно недовольного лица, которое осточертело ему до смерти), но одно дело – потрепаться по телефону, а другое – тащиться на другой конец города неизвестно для чего, потому что, откровенно говоря, Егор Иванович не собирался разменивать свою двушку в центре, а тем более доплачивать за размен. Пусть стерва выкусит. Он не хотел, чтобы она жила отдельно. Он хотел, чтобы она сдохла, испарилась, чтобы ее переехал грузовик, чтобы она навсегда оставила его в покое! Вот чего он хотел.

Задумчиво осмотрев кроссовки, Егор Иванович пришел к выводу, что покупать новые теперь, когда до зимы осталось каких-то пару месяцев – неразумно, решил, что никуда не пойдет, а проведет этот день дома. Ему и дома есть чем заняться. К тому же вчера была его очередь убирать квартиру. Вернее, просто убирать квартиру, потому что стерва – будь она неладна! – уже давно не соблюдала никаких очередей.

Для начала он перемыл две стопки грязной посуды, накопившейся за три дня. Затем отыскав в полупустом холодильнике пачку пельменей, пообедал, выпил рюмку-другую и почувствовал, что его клонит в сон. Но он взял себя в руки и, преодолевая сонливость, поплелся в ванную за тряпкой и ведром.

Окинув взглядом свои далеко не роскошные апартаменты, Егор Иванович понял, что за день тут не управишься – недели и той будет мало. Оглядев оставленные повсюду женские тряпки, журналы, пепельницы с окурками, грязные стаканы, Егор Иванович подумал, что с каждым днем стерва ведет себя все более нагло. А ведь когда он предложил ей, до тех пор, пока они не оформят развод и не разъедутся, вести себя как посторонние, но культурные люди,

она, задумчиво поработала наманикюренными пальчиками по столу и согласилась. Чтобы не поубивать друг друга и не свести друг друга с ума, он предложил поделить комнаты – она сразу выбрала спальню, а ему досталась маленькая проходная комната, но он не стал спорить, уступил ей по-мужски. Интим не обсуждали, тема слишком деликатная. Но когда у Тучкова бывало «романтическое настроение», он выделял ей сумму побольше, весь день подлизывался к ней, игнорируя ее насмешки и презрительные взгляды, говорил, что королева она и есть королева, хоть двадцать ей, хоть сорок, и что в сущности она еще способна своей улыбкой свести с ума любого мужика. Жена смягчалась, она обожала слушать такие вещи. Вечером он шел к ней в спальню и иногда не получал отказа, а утром всегда жалел о потраченных деньгах и о тех унижениях, на которые пришлось пойти ради нескольких минут сомнительного удовольствия. Впрочем, «контакты» теперь случались редко, сказывался возраст, взаимное раздражение... Кроме этой темы, остальное было четко оговорено: они по очереди убирают квартиру, оплачивают коммуналку, и ни при каких обстоятельствах не вторгаются на территорию друг друга. Это было шесть или семь лет назад, Тучков уже не помнил точно, но вчера четко осознал, что в последнее время их договоренности придерживается он один: как умеет наводит порядок, регулярно оплачивает счета, покупает продукты, а все что делает стерва – свинячит направо, в том числе и в его комнате, распускает руки во время семейных конфликтов и тянет из него деньги. Чувствуя себя взбунтовавшейся горничной, Егор Иванович вслух обматерил жену и не стал убираться. Из принципа.

Он направился в ванную, но на полпути вернулся – зазвонил домашний телефон. Егор Иванович взял трубку и услышал взволнованный девичий голос:

– Сережка, ты? Почему не звонишь? Мобильник отключен... Ты что, все еще дуешься?

Тучков беззвучно выругался и вежливо поинтересовался:

– Вы куда звоните?

– Ой! – смутился голос и тут же спохватился. – Это «Стройсервис»?

– «Стройсервис», – подтвердил Тучков.

– Попросите, пожалуйста, Сережу!

Егор Иванович печально вздохнул:

– Сергей умер.

– Как?! – обалдел голос.

Тучков вздохнул еще раз:

– Два часа назад попал под машину. Наш сотрудник поехал на опознание.

Раздался предвестник близкой истерики – громкий всхлип, но Егор Иванович истерики дожидаться не стал и положил трубку.

Ванну он принимать просто поленился, ограничился душем, а затем, напялив розовый женский халат, который едва доходил ему до колен, зажимая под мышкой планшет, прошел в комнату жены. Завалившись на ее незаправленную кровать, пропахшую дешевыми цветочными духами, которые почему-то всегда ассоциировались у него с похоронами, он улыбнулся, представив, какой визг она подняла бы, если бы увидела эту картину. От нечего делать, он зашел на сайт клиники «Улыбка на все сто», но не стал просматривать рекламную информацию о преимуществах клиники, о новых методах протезирования, об акциях, льготах, а сразу зашел в раздел «Персонал», просмотрел фотографии сослуживцев, собственную фотографию, под которой указывались специализация, стаж, личные качества. Читая про свою «доброту, отзывчивость и чрезвычайную восприимчивость к чужой боли», Егор Иванович хмыкнул, отметил, что на фото выглядит гораздо моложе, чем в жизни и хотел отложить планшет, но наткнулся на большие жалобные глаза своей коллеги, той самой с которой поругался из-за выходного. В последнее время она раздражала Тучкова больше других. Это была хлопотливая наседка, мать троих детей, правильная до тошноты, помешанная на детях и своем муже-красавчике, каждый вечер со скучающим видом ожидавшем ее в холле на диване для посетителей. Она

была из тех клуш, что через каждые пять минут названивают домой, берут отгул, стоит одному из ее детей чихнуть, и всегда – это даже не обсуждалось – при распределении отпусков претендуют на лучший месяц в году, ведь у нее дети! Тучкова она считала озлобленным, несчастным человеком, потому что у него нет детей и потому что он женат на женщине с тяжелым характером, которая его бьет. Короче говоря, ущербным.

Егор Иванович сменил на телефоне симкарту и послал этой дурехе сообщение с неизвестного номера, в котором говорилось, что в прошлую субботу в кафе «Нежность» на праздновании пятилетия фирмы «Арго» в кабинке мужского туалета ее муж Анатолий, находясь в состоянии алкогольного опьянения вступил в интимную связь с сотрудницей этой же фирмы, менеджером из отдела сбыта. Подписываться он не стал.

Если бы в тот момент его спросили бы, зачем он это сделал, он бы округлил глаза и сказал, что это шутка. Розыгрыш. И улыбнулся бы как всегда. Ему и правда казалось забавным, что людей могут задевать такие глупости. Самого Егора Ивановича уже давно ничего не задевало, ну разве что растущая инфляция или незапланированные расходы. Но та, конечно, расстроится, будет гадать правда это или клевета, а если клевета, то кто из коллег мужа мог решиться на такое, и даже не вспомнит, что когда на прошлой неделе на чей-то шуточный вопрос: «Почему она такая нервная сегодня?», она ответила, что всегда сама не своя, когда ее муж идет на корпоративку, – Тучков крутился поблизости. Дело было в комнате отдыха, и пока Тучков делал вид, что просматривает карты своих пациентов, она выложила коллегам все подробности – они всегда ужасно много болтали! – где состоится банкет, когда, по какому поводу, и горестно посетовала, что там будет полно одиноких, голодных хищниц, готовых на все, чтобы увести из семьи приличного мужика. Егор Иванович представил, как вытянется ее лицо, когда она получит эту смс, как отойдут на второй план бесчисленные, глупые хлопоты и останется один мучительный вопрос: было или не было? Он не чувствовал себя виноватым за эту маленькую шалость: в конце концов, лицо этой дамочки тоже не светится от радости, когда он приходит на работу. Потом он подумал о своих сослуживцах, о том, что они напрочь забывают о его существовании, как только покидают стены клиники, а вот он думает о них даже дома, как будто ему больше подумать не о чем! Кто он для них? Никто. Паршивая овца в их сплоченной команде, неудачник, которого вот-вот попрут с работы за нарушение трудовой дисциплины. Этого они и добиваются, и стоит ему опоздать или слегка повысить голос на пациента – сразу бегут жаловаться этой гниде, Дмитрию Николаевичу. Как только его уволят, они станут образцовым коллективом, командой единомышленников, сплоченных одним важным, полезным делом. Кретины. Все до единого. Тупые, ограниченные люди. И вообще, ну их всех к черту!

У него слегка испортилось настроение, и вот тогда, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, он отыскал между подушками пульт, включил телевизор и стал переключать каналы в поисках чего-нибудь развлекательного.

Сначала посмотрел передачу про путешествия, помечтал немного: хорошо бы съездить в Париж или махнуть на острова! У него была отложена довольно приличная сумма, которая позволяла ему это сделать. Но потом прикинул, во что обойдется эта поездка, и виды уютных европейских улочек моментально утратили привлекательность. Наверняка еще в турагентстве его обдерут как липку, насчитают таможенные сборы, страховые, комиссионные за посреднические услуги и прочую ерунду. Оглянуться не успеешь, как от приличной суммы останутся копейки. Кругом одно жулье! Все тянут лапы к чужим, кровно заработанным. Стоит только выйти из дома, как отовсюду слышится: плати, плати, плати... Все словно помешались на деньгах!

Самое странное, что именно эту фразу, слово в слово, он и услышал, как только переключил канал:

– Все будто помешались на деньгах, – сказал с экрана лохматый очкастый тип в растянутом свитере, обращаясь к своему собеседнику, вертлявому пижону в клетчатой рубашке и галстуке-бабочке. И добавил: – На уме только деньги. И еще удовольствия...

Егор Иванович подивился, какие забавные совпадения иногда случаются: как будто кто-то подслушал его мысли и произнес их вслух.

Судя по затрапезному виду и хмурому, озабоченному лицу, очкарик не искал от жизни удовольствий, а вертлявый пижон, напротив, воплощал собой жизнелюбие и успешность, и между ними явно проскакивали искры неприязни. Пижон задавал вопросы, поглядывая на очкастого с тонкой усмешкой, как на упертого моралиста, прямолинейного, как оглобля, а очкастый отвечал, с нескрываемым презрением оглядывая холеное лицо пижона и его стильную прическу.

Это было ток-шоу на тему, надоевшую всем до смерти: про бездуховность современного общества потребления, про нравственную деградацию граждан, про потерю духовных сребр – что-то из серии «смотрите, во что мы превратились». Егор Иванович терпеть не мог ток-шоу и никогда их не смотрел. И вчера не стал бы, если бы не «сдох» пульт – должно быть, сели батарейки – а тянуться до кнопки на телевизоре ему было лень. Им завладела приятная истома, расслабленность. Какая разница под что засыпать?

Сперва выступил какой-то нудный дед, не то писатель, не то режиссер, который вкратце описал свое видение проблемы и предложил избавить телевидение от засилия рекламы, фильмов, полных агрессии и возродить основы духовного воспитания молодежи. Егор Иванович почти задремал под его монотонный гундеж.

Потом микрофон снова оказался у очкастого типа, который бесцеремонно назвал все вышесказанное чушью и уверенно заявил, что делать ничего не нужно: Материя сама все поправит.

Его спрашивают:

– Что за материя?

А он:

– Сущность или, если уж публике нравится более расхожий термин, Высший Разум.

Он сразу отсекает возможные вопросы и заверил, что к религии это не имеет никакого отношения. Существование Материи – научный факт. Он много лет занимается ее изучением и знает, о чем говорит.

Он смотрел на собеседников с мрачным спокойствием, как человек, давно привыкший к насмешкам, заранее убежденный, что его слова не воспримут всерьез, но полный решимости продолжать говорить правду. Внешне он производил отталкивающее впечатление из-за очков с толстыми линзами, которые делали его взгляд совершенно безумным. К тому же у него был чудовищно неправильный прикус – и где только откопали такого? – значительно выдвинутая вперед нижняя челюсть напоминала капкан с посаженными вкривь и вкось острыми зубцами. Тут было и неправильное смыкание зубных рядов, неправильное расположение зубов внутри зубного ряда, и еще много разного рода отклонений. Егор Иванович уставился на эту челюсть, стараясь вспомнить: где он мог видеть этого человека? Вернее, этот набор челюстно-лицевых дефектов, сосредоточенных в нижней части одного лица?

Он устремил глаза к потолку и стал мысленно перебирать знакомых, клиентов, что было довольно бессмысленно, потому что если бы они встретились, Егор Иванович вспомнил бы его сразу. Значит, просто видел что-то похожее...

Тучков закрыл глаза, собираясь отключиться, но мысль не отпускала, назойливо крутилась в голове, мешала расслабиться и задремать. Он снова уставился на экран и услышал:

– ...живая система, весьма и весьма разумная, сущность которой – абсолютная гармония, совершенство, а мы с вами – всего лишь ее составляющая, довольно незначительная, надо сказать, но причиняющая ей наибольший вред. Такие пороки как бездуховность, эгоизм, бес-

престанный поиск удовольствий, давно бы разрушили хрупкую Материю, не обладай она способностью к самоочищению. Техногенные катастрофы, эпидемии, все, что влечет за собой множество человеческих жертв – это и есть очищение. Тут Материя действует довольно жестко и просто избавляется от человеческих ресурсов, независимо от того, причиняли ли эти люди ей вред или были полезны для нее. Но она очищается понемногу и постоянно, и это уже относится к конкретным людям. Если какая-то единица вызывает у Материи серьезное беспокойство, тогда...

– Понимаю, – тонко улыбнулся ведущий. – Какой-нибудь несчастный случай или болезнь...

– Болезнь – следствие неправильного образа жизни или генетической предрасположенности! – ни с того ни с сего психанул очкастый и сердито поправил очки. – Это знает любой дурак! Информлируете население, а не в курсе таких элементарных вещей! Можно быть прекрасным человеком, но питаться фастфудом и умереть в тридцать лет от инфаркта. Материя здесь не при чем. Ее интересует другое. – он посмотрел в глаза ведущему и поинтересовался:

– Вы женаты, молодой человек?

– Допустим, – осторожно ответил ведущий.

– Не «допустим», а женаты. Причем, в третий раз. И насколько мне известно, намереваетесь жениться в четвертый. Это просто безобразие. Не пора ли остановиться?

Ведущий слегка смутился, а потом ответил, что это его личное дело, а даже если это и так, то никаких законов он не нарушает...

– Законы – ерунда! – нервно перебил очкарик. – Материи на них наплевать. Никто не станет судить вас за то, что вы день изо дня мысленно желаете кому-то смерти или живете, руководствуясь исключительно своими желаниями, малодушничаете, лжете, потакаете собственным низменным инстинктам. Для Материи же это сигнал, что вы разрушаете ее изнутри, и что от вас пора избавляться. И у нее есть средства. Например, агенты.

– Как вы сказали? – живо переспросил ведущий, прикидываясь дурачком, и широко улыбнулся. – Агенты?

«Голову даю на отсечение: если сейчас этот кретин улыбнется в ответ, станет видно, что верхний центральный резец повернут вокруг своей оси и сильно заходит на соседний слева...» – подумал Тучков и нетерпеливо уставился на челюсть-капкан. Но псих и не думал улыбаться.

– Агенты, посредники, проводники – существа, которые переводят объект в иное состояние для дальнейшего использования Материей. Скажем, живет человек, – тут этот чокнутый поискал глазами камеру и уставился в объектив, из-за чего создалось неприятное впечатление, что он обращается непосредственно к Егору Ивановичу, – спивается, деградирует потихоньку, все больше замыкается на собственных низменных потребностях, утрачивает тончайшие связи с другими людьми, элементарную способность к общению, одновременно чувствуя на себе чье-то пристальное внимание, которое доставляет ему крайний дискомфорт. Затем с ним происходят странные вещи: в один прекрасный день окружающие начинают относиться к нему, как к чему-то чужеродному, отталкивающему, потому что Материя уже уничтожила его на ментальном уровне. Но на физическом уровне он еще существует, дышит, думает, испытывает различные эмоции, и вот тут появляются агенты, задача которых – покончить с его, так сказать, земным существованием. Сопротивляться агентам – глупо. Они не ведают жалости, с ними невозможно договориться. Они отделяют объект от остальных – а сделать это довольно легко, потому что никто уже не воспринимает его как живого человека – доставляют его в безлюдное место и переводят в иное состояние.

– И что же они делают? Убивают что ли?

И в тот момент, когда Егор Иванович уже перестал ждать, очкастый снисходительно улыбнулся, обнажились верхние зубы, и Тучков убедился в своей блестящей профессиональ-

ной памяти: он видел именно этого человека и никого другого, потому что центральный верхний зуб у него почти наполовину закрывал соседний, с левой стороны. Но где? Где он мог его видеть?

– Дело не в этом. А в том, что для объекта начинается суший ад и уже ничего нельзя поправить... Но, если вас интересует, то да, тело будет найдено. В последнее время таких тел находят все больше, повидимому из-за того что вы называете падением нравов, духовной деградацией современного человека. Правоохранительные органы замалчивают информацию об этих страшных находках, чтобы не сеять панику. Но лично я молчать не собираюсь.

Глубоко вздохнув, очкастый сообщил, что только в этом месяце в городе обнаружены шесть тел без видимых признаков насильственной смерти – четверо мужчин и две женщины – причем лишь одно тело найдено в городе, остальные – в пригороде, в таких отдаленных, безлюдных местах, в которых эти граждане ни по роду своей деятельности, ни по личным мотивам находиться не могли. При них нашли документы и нетронутые ценные вещи. Что это, как не работа агентов? И это только те случаи, о которых ему известно, и только в одном городе, а сколько их в масштабе целой страны? А планеты? Даже представить страшно.

Затем с таким видом, будто делает важное политическое заявление, он объявил, что имеются граждане, которым по чистой случайности удалось избежать расправы – агентам помешали свидетели, – но они находятся сейчас в специализированных медицинских учреждениях и не могут прийти на передачу, чтобы подтвердить его слова.

«И тебе, видать, туда прямая дорога, – усмехнулся Тучков, слушая этот бред и вглядываясь в безумные глаза за толстыми линзами. Он широко зевнул и подумал о том, что телевизионщики – ушлые ребята и могут из любого дерьма сделать шоу, и еще о том, как причудливо устроен человеческий мозг: даже бред сумасшедшего подчинен логике, стройным умозаключениям, хотя с первого взгляда понятно, что этот бедолага давно не дружит с головой. «Ишь! Целую теорию сплел, философов хренов». Должно быть, аудитория придерживалась такого же мнения: в студии раздались сдержанные смешки, ассистентка подлетела к очкастому и попыталась забрать у него микрофон. Какое-то время он настырно отводил ее протянутую руку, говорил возмущенно: «Но я же не договорил! Дайте мне еще минуту. Люди должны знать, что происходит!»

Последнее, что услышал Егор Иванович перед тем как заснуть – слова ведущего: «... вот такой, весьма необычный, взгляд на вещи. А теперь послушаем звоночки в студию. Итак, у нас есть первый дозвонившийся. Алло!...»

От того ли, что Тучков уснул в неудобной позе, от того ли, что подушка, в которую он, засыпая, уткнулся лицом, источала удушающий цветочный запах, сон был тяжелый. Снилось ему какая-то дрянь: будто он лежит у себя в кабинете на полу, скорчившись от боли, потому что пижон-ведущий и очкастый тип с челюстью-капканом, под демонический хохот стервы усердно пинают его ногами, норовят попасть под ребра, а вокруг стоят его коллеги с суровыми лицами и поощряют это избиение аплодисментами. Проснулся Егор Иванович с тяжелой головой, мокрый от пота, держась рукой за правый бок, в первую секунду с трудом соображая, где находится. Он посидел на кровати, ожидая, когда утихнет боль, а потом потащился на кухню, где долго рылся в аптечке в поисках обезболивающего. Все-таки нужно было пойти к врачу!

Остаток дня он слонялся по квартире, решительно не зная чем заняться. Попил чай, два раза покурил в форточку. Попробовал почитать книгу, но уже на второй странице его одолела зевота, а спать Егор Иванович больше не хотел. Хватит с него сновидений. Ему захотелось пообщаться с кем-нибудь по-дружески: побухтеть на правительство, пожаловаться на здоровье, попенять на бабскую глупость... Он просмотрел в телефоне список контактов, довольно многочисленный, но не нашел никого, с кем можно было бы потрепаться, не испытывая раздражения и не вызывая подобные чувства у собеседника. Стыдно признаться, но часам к шести он стал нетерпеливо поглядывать на дверь: жена должна была вот-вот вернуться с работы. Он,

разумеется, не рассчитывал, что они мило, по-семейному проведут вечер – у него, слава богу, проблемы с печенью, а не с головой! – но хоть какое-то общение! Вчера она вернулась позже обычного и надолго заперлась в ванной. Минут сорок он ждал ее на кухне, а когда она, наконец, появилась, в том самом розовом халате, с чалмой из полотенца на голове, молча поставил перед ней чашку мятного чая, который она всегда пила по вечерам. Усевшись на табуретку, она задумчиво уставилась в окно и с таким видом, как будто делала Тучкову величайшее одолжение, объявила, что сегодня на работе у всех было такое странное настроение, так надоело все: шум, гам, ученики-тупицы, они с коллегами решили посидеть в кафешке, расслабиться. Пришлось скинуться, и теперь она осталась без копейки. Короче, ей нужны деньги.

Перед Егором Ивановичем встал непростой выбор: отказать ей и получить скандал в ее стиле, с визгом, истерикой, выдираньем волос (ее спокойствие, даже вялость не могли его обмануть – она легко выходила из себя) или же откупиться и спокойно поговорить. Тучков не боялся скандалов, поскольку давно к ним привык, и даже, когда у него бывало подходящее настроение, нарочно капал ей на мозги. Но вчера ему хотелось пообщаться, поэтому он вздохнул и пошел в комнату за портфелем. Протягивая ей пятьсот рублей, – сначала он хотел дать больше, но потом вспомнил, что в этом месяце уже выдал ей триста рублей, и ограничился пятисоткой, – он позволил себе поворчать, совсем немного, что, мол, у людей завелась странная привычка таскаться по заведениям. А ведь можно купить бутылочку хорошего вина, фруктов и посидеть в узком кругу на работе. Удовольствие то же, а стоит в разы дешевле! Но заметив, что она нахмурилась, замолчал. Поскольку стерве не пришлось, как обычно, тянуть из него деньги клещами, она сразу поняла, что сегодня ему тоже что-то нужно, и, сунув пятисотку в карман, сказала усталым голосом: «Ну что там у тебя? Только давай покороче, я хочу спать». Все-таки, чтобы там не говорили, а в семейной жизни есть свои плюсы. Вон как они с женой понимают друг друга, можно сказать, без лишних слов! Егор Иванович уселся напротив и стал торопливо рассказывать про печень, про боли в боку. Скорей всего у него что-то серьезное – сегодня его так скрутило, что он не смог пойти к врачу, пришлось весь день провести дома. Пока он говорил, жена пила чай, явно думая о чем-то своем, а когда он замолчал, безразлично пожала плечами: «Выпей таблетку». На его язвительное замечание: «Надо же! Какой ценный совет! Выпить таблетку. И как это я сам не догадался?» она изумленно подняла брови, сказала, что она не врач, ничего в этом не понимает и не знает, чем ему помочь, и посчитав, что за пятьсот рублей уделила ему достаточно внимания, встала и направилась в свою комнату, воняющую кладбищенским запахом пожухлых, сваленных в кучу цветов. Тучкову так не хотелось оставаться одному, что он потащился за ней следом. Перед тем, как закрыть дверь у него перед носом, она обернулась, и у него мелькнула надежда, что сейчас она скажет что-нибудь ободряющее, хотя бы из благодарности, но она напомнила, что завтра пятница, попросила его утром не топтать и греметь посудой – ей нужно отоспаться. А больше она ничего не сказала.

Егор Иванович постоял перед закрытой дверью, дурак дураком! Потом плюнул, пошел на кухню и напился.

Он сидел за столом, опрокидывая стопку за стопкой, и думал о всякой ерунде: о ценах, что росли день ото дня, о том, что если бы все не дорожало такими темпами, он, с его зарплатой и умением экономить, давно бы стал состоятельным человеком; корил себя за деньги, что так легко отдал жене: вот такие вот глупые траты – триста рублей, пятьсот рублей – и образуют существенную брешь в его накоплениях. Если так швыряться деньгами, то можно корячиться лет до восьмидесяти и все равно под конец остаться с голым задом. А все потому что ему, видите ли, захотелось поговорить! Нашел собеседницу.

Допив бутылку, он прошел к себе в комнату, бросил на старый, продавленный диван подушку и лег спать. А закрывая глаза, вспомнил почему-то слова очкастого типа из телепередачи об отчуждении. «Отчуждение – на лицо» – равнодушно отметил Тучков и снова задался вопросом, где он мог видеть этого болвана? Он отлично знал, что даже когда переста-

нет думать об этом, мозг будет перебирать отложенную в голове информацию, и в конце концов, возможно, в самый неподходящий момент, выдаст ответ. Еще он подумал, что согласно этой странной теории, стерву давно пора перевести в иное состояние. Егор Иванович представил, как агенты, похожие словно близнецы, в элегантных черных костюмах и темных шпионских очках, гоняют стерву по заброшенному заводу, а потом бросают ее в кипящую плавильную печь, и улыбнулся в темноте. Минут сорок он ворочался с боку на бок, кряхтел и думал: «Какой длинный, противный день! Не выходной, а каторга какая-то...» После такого выходного, лет с тридцати мечтавший выйти на пенсию Тучков, решил, что, пожалуй, не прочь еще немного поработать. На работе некогда думать о всякой ерунде, работой и все. А если выпадет свободная минутка, можно понаблюдать за сотрудниками, послушать чужие разговоры, поиграть у кого-нибудь на нервах...

Вот почему сегодня утром настроение у него было отличное, и, если не считать легкой головной боли после вчерашних возлияний, самочувствие – вполне сносное. От головной боли Тучков избавился привычным способом – похмелившись на кухне, перед тем как идти умываться.

Когда же это началось? Дома? В сквере? В маршрутке?

Дома еще ничего не было. Он это хорошо помнил, но чтобы не упустить какую-то важную деталь – а именно ее-то он и хотел обнаружить – мысль, слово, действие, после которого обычный, ничем не примечательный день свернул в какую-то злосчастную колею, он стал вспоминать, как утром умывался, брился, одевался, пил на кухне крепкий, несладкий чай... Все это он проделал, стараясь производить как можно меньше шума, чтобы не разбудить жену. И вовсе не потому что боялся потревожить сладкий утренний сон любимой женщины, а потому что по пятницам первый урок в музыкальной школе, где она работала, начинался в одиннадцать, и она всегда пользовалась возможностью поспать подольше. Так вот если ее разбудить, она начнет ворчать, потом заведется, а если она заведется – ее уже ничем не остановишь.

В коридоре он обулся, нацепил белую летнюю кепку, и посмотревшись в большое зеркало, отметил, что выглядит постаревшим и осунувшимся. Это его огорчило. Не то чтобы он придавал большое значение своей внешности – он ведь не баба! – просто сам вид показался ему нездоровым. Отражению чего-то не хватало, и он вспомнил, что забыл на кухне портфель. Пришлось вернуться, а возвращаться плохая примета, и тогда он тоже об этом подумал. Проходя мимо комнаты жены, он задержался, послушал громкое, почти мужское сопение и завистливо покачал головой: вот это сон! Будто вагоны вчера разгружала! И эта женщина жалуется на расшатанную психику, на невроз, который ей, понятное дело, обеспечил Егор Иванович.

В подъезде он никого не встретил и в лифте ехал один. И в этом не было ничего необычного. Дом был старый – с первого по девятый этаж одни пенсионеры. Наверное, они еще спали, а может, уже разбежались по своим глупым хлопотам. Он не знал, что делают пенсионеры в восьмом часу утра.

Тучков вышел из подъезда, поежился от прохладного утреннего ветерка и бодро зашагал на остановку.

Ему предстояло пройти старый сквер, сесть на маршрутку и проехав четыре остановки, выйти у большого торгового комплекса с симпатичной двухэтажной пристройкой с правой стороны. Собственно, эта пристройка с броской вывеской «Улыбка на все сто» и была местом назначения. И хотя каждый раз, завидев это строение, Егор Иванович бормотал: «Что б тебя конкуренты взорвали к чертям собачим!», он рассчитывал работать там еще очень и очень долго, потому что ему хорошо платили, а у него имелись планы. Три года он проделывал этот путь – от дома до клиники и обратно, и за три года с ним не случилось ничего не то что страшного, но даже мало мальски запоминающегося. И за все три года ему ни разу не понадобилось на дорогу больше двадцати минут.

Вспоминая, как сегодня утром шагал по безлюдному скверу, Егор Иванович замер и сказал себе «стоп». Как будто нащупал болезненную точку. Именно в сквере все и началось. Сперва исчезло бодрое, приподнятое настроение. Потом появилось беспокойство, легкое, едва ощутимое. Егор Иванович почти не обратил на него внимания, зато обратил внимание на тошноту и учащенный пульс. Он остановился, поставил на землю портфель и вытянул руки перед собой: «Дрожат ручонки. Трясутся... – с досадой отметил Егор Иванович и списал мандраж, потливость и трясучку на похмельный синдром. Но через минуту беспокойство усилилось и переросло в тревогу, а тревога вызывала постоянное желание оглянуться. Тучкову все время казалось, что кто-то идет за ним след в след, противно шуршит опавшей листвой, злобно кривляется у него за спиной. Он не выдержал, оглянулся и, конечно, никого не увидел. «Какой-то я психованный сегодня». – усмехнулся Егор Иванович, но вздохнул с облегчением, только когда вышел на оживленный проспект.

Он было расслабился, но тут с ним приключилась новая странность.

В небольшом торговом павильоне, куда он зашел, чтобы купить сигарет, шла бойкая торговля, но стоило Тучкову появиться, как очередь мгновенно испарилась, и он остался один на один с продавщицей, которая вдруг, ни с того ни с сего, заявила, что у нее переучет, и попросила его покинуть помещение. Причем Егору Ивановичу показалось, что она лжет, ляпнула первое, что пришло в голову, лишь бы не оставаться с ним наедине.

– Ну какие там еще переучеты? – раздраженно буркнул Егор Иванович, внимательно всматриваясь в ее лицо. – Дурью маешься!

Продавщица, прыщавая девчонка в синем фартуке с кружавчиками на плечах, ничего не ответила и посмотрела на него с жалостью и некоторым отвращением, как смотрят на покойников. От ее взгляда ему стало не по себе. В отместку за то, что она отказалась его обслужить, Егор Иванович сказал ей какую-то гадость про прыщи, но покинул павильон со смущенным сердцем.

Не успел он дойти до остановки, как на него налетела дамочка с чемоданом, лет сорока, а может быть, чуть страше.

Егор Иванович мысленно назвал ее стервой, так же как всегда называл жену, потому что согласно его собственной теории, все женщины делились на три категории: девки – до двадцати, бабы – до сорока, стервы – после сорока. И эта, последняя – самая жалкая, самая ничемная категория, уже не представляющая интереса ни для противоположного пола, ни для общества в целом. Стервы эта знают и вымещают зло на окружающих, за то что стареют с каждым днем, с каждой минутой. Однажды за ужином, глотая холодные, скользкие макароны, Егор Иванович поделился этой теорией со своей супругой. Ей было за сорок, стало быть, она попадала в категорию «стервы». Он знал, чем ее зацепить. Не смотря на возраст, лишние вес и оплывшее лицо, жена считала себя молодой, сексуально привлекательной женщиной и даже надеялась благодаря этим качествам кардинально изменить свою жизнь. Она тогда нехорошо прищурилась и ответила холодно, что мужчины тоже делятся на категории, но он не подходит ни под одну из них. Потому что не мужчина, а так... бесполое недоразумение. «Жуй молча и не смей приставать ко мне со своими глупостями, болван!», но сама, конечно, завелась, наговорила ему гадостей, а потом, очевидно, посмотревшись в зеркало, долго рыдала в ванной.

И та, с чемоданом, была такая же – начинающая стареть, высокомерная стерва, с такими же как у его жены светлыми волосами и маленьким капризным ртом, и наверное, так же как и его жена, она считала, что по сравнению с ней остальные люди – мусор, потому что толкнув его довольно сильно, даже не подумала извиниться и как ни в чем не бывало покатила свой чемодан дальше. Егор Иванович догнал ее и ухватил за руку. Он не собирался грубить. Он только хотел сказать, что если она не видит людей у себя на пути, пусть носит очки, что, мол, в ее пожилом возрасте это вполне естественно. Но когда она обернулась и взглянула на него, то почему-то так перепугалась, словно перед ней стоял оживший мертвец, и стала

нервно выдергивать руку. Не ожидавший такой реакции Егор Иванович сразу выпустил ее. Эта идиотка медленно побрела дальше, изумленно оглядываясь, и в ее глазах, так же как у девочки из магазина, стояла брезгливая жалость. Когда она обернулась в очередной раз, Егор Иванович презрительно помахал ей рукой, мол, давай, давай, топай, нечего на меня пялиться, и высокомерно вздернув подбородок, отвернулся. Но в душе задергался, и проходя мимо витрины магазина, остановился, чтобы рассмотреть свое отражение: что в нем такого особенно, что они так смотрят? В темном, пыльном стекле он увидел то же, что видел сегодня в зеркале, перед тем как выйти из дома: белую кепку, светлую, мятую рубашку и черные, выдавшие виды брюки с вытянутыми коленками. Видок у него, конечно, потрепанный, но это же не повод, чтобы смотреть на него как на больного!

Больше для самоуспокоения, чем по необходимости, Егор Иванович отряхнул брюки, завязал болтающийся шнурок на кроссовке, пригладил светлые редешущие волосы под кепкой и направился к остановке. Но ожидая маршрутку, он сделал новое неприятное открытие: не только мадам с чемоданом и солпьячка-продавщица, но и другие люди почему-то сторонились его, избегали. Стоило сделать шаг навстречу какому-нибудь прохожему, как тот опускал глаза, норовил свернуть в сторону. «Что они сегодня, сговорились что ли?» – еще больше занервничал Тучков, обнаружив, что стоит в центре остановки в гордом одиночестве, а остальные граждане сбились в кучку и настороженно косятся в его сторону. Тут Егор Иванович окончательно утратил покой и стал уже серьезно волноваться. Помимо странного поведения окружающих, его нервировало появившееся невесть откуда назойливое предчувствие несчастья – почти убежденность – растущее с каждой минутой. Как будто вокруг Егора Ивановича очертили некий магический круг, внутри которого другие люди чувствовали себя не комфортно и они избегали этого круга, а следовательно, избегали Егора Ивановича. Но более всех не комфортно в этом кругу было самому Егору Ивановичу: сердце у него то прыгало, то замирало, пот градом катился со лба. Он беспрестанно снимал с головы кепку и вытирал ею шею и лицо.

Нужно было тогда же развернуться и пойти домой. Но разве он мог предположить, что с этих неприятных, но в общем-то незначительных событий, начнется настоящий кошмар? Конечно, не мог, а потому, не взирая на эти странности, нетерпеливо ожидал маршрутку, чтобы как можно скорее приехать на работу и оказаться среди знакомых ему людей. Те тоже всегда смотрели на него косо, но по крайней мере, по понятным ему причинам.

Подкатила маршрутка, и Егор Иванович устремился к машине, отметив краем глаза, что никто не последовал его примеру. Он оказался единственным пассажиром. Егор Иванович плюхнулся на сидение и долго рылся в кармане в поисках мелочи. Водитель, крепкий, плечистый парень молча взял у него деньги. Судя по нахмуренному лицу, парень был не в духе и на какое-то глупое замечание Егора Ивановича не ответил. Егор Иванович спросил его о чем-то, и снова не получил ответа. «Странный какой-то, – подумал Тучков и на всякий случай пересел на другое место, подальше от шофера. Разглядывая широченные плечи и мощный бритый затылок, Тучков решил, что с таким детиной лучше в темной подворотне не встречаться. Когда парень поворачивал голову вправо, Тучков видел его крупный нос, презрительно сжатые губы и квадратную челюсть, мерно гоняющую жевачку. «Черт меня дернул сесть в эту маршрутку! – подумал Тучков, психуя все больше. – Не нравится мне этот парень. Почему он не взял бабку, голосовавшую на перекрестке? Почему все время молчит? Куда он так гонит?» Тучков посмотрел в зеркало заднего вида и встретился взглядом с водителем. Светло голубые, какого-то странного водянистого оттенка глаза, пронзили его насквозь, обдали ледяным холодом, и от этого взгляда у Егора Ивановича перехватило дыхание. Он вжался в сидение и крепче прижал к себе портфель. «Ишь, какие ручищи! – подумал Тучков, глядя на сильные руки, крепко сжимавшие руль, и вдруг отчетливо представил себе толстые пальцы с грязными, обломанными ногтями у себя на горле. Впившись глазами в бритый затылок, Тучков сторожил каждое движение шофера и чем меньше находил оснований для подозрений, тем

более подозрительным казался ему этот парень. Он вел себя так, будто вез куда-то именно Тучкова, его одного, а потому не останавливался на остановках и не подбирал пассажиров. Магический круг, который Егор Иванович теперь четко ощущал и в границах которого ему было так тревожно, вдруг раздвинулся и заполнил собой весь салон. Тучкову отчаянно захотелось открыть дверь и выпрыгнуть из маршрутки прямо на ходу. Он робко попросил водителя остановиться, но тот не отреагировал и продолжал гнать как сумасшедший. Егор Иванович повторил просьбу – водитель поддал газу. Тучков запаниковал, заметался между сидениями и, зажимая под мышкой портфель, принялся нервно дергать ручку двери, которая почему-то не поддавалась. Привлеченный этой возней водитель обернулся и посмотрел на Тучкова злобно. Машина вильнула к обочине и затормозила так резко, что Тучков качнулся вперед и ударился лбом о черную пластиковую панель, обклеенную стикерами с указанием платы за проезд и рекомендациями на случай аварийной ситуации. Дверь отъехала автоматически, без всякой усилий со стороны Егора Ивановича, и он выскочил наружу, тяжело дыша и чертыхаясь.

Белым пятном маршрутка пронеслась у него перед глазами и открыла ему обзор. Тучков посмотрел перед собой и обомлел, потому что вместо центральной улицы с высотными зданиями, яркими рекламными щитами и фонтанами, увидел редкие, убогие домишки городской окраины. «Однако! – изумился Тучков, разглядывая грязные малоэтажки с облупившейся штукатуркой и покосившиеся деревянные балконы с вывешенными для просушки цветастым бельем. Он стоял, наморщив лоб, с трудом узнавая этот район.

Лет пятьдесят назад, а может быть и больше, здесь был рабочий поселок для строителей, возводивших этот город. Он так и назывался «Строитель». Потом, когда работяги получили жилье и разъехались, в «Строителе» осел всякий хлам: лица без определенных занятий, осовободившиеся из мест заключения, цыгане, бомжи... Долгое время поселок славился своей криминальной средой и был изрядной головной болью для городских властей. Здесь часто совершались грабежи, убийства на бытовой почве, цыгане сутки напролет торговали анашой и паленым спиртом... Разгуливать по поселку даже днем считалось небезопасным. Тучков бывал здесь один раз, еще в молодости, провожал разбитную девчонку, которая бог знает как – этого он уже не помнил – оказалась в их студенческой компании. Она была пьяна, откровенно висла на Тучкове, и поверив ее двусмысленным намекам, он поперся ее провожать. Тогда его поразила страшная нищета и ощущение опасности, буквально витавшее вокруг. Очувтившись здесь, он уже не думал о любовных приключениях, а поспешил поскорее убраться в город.

Спустя какое-то время слава «Строителя» затихла. Должно быть, последние обитатели получили квартиры и разбавили собой ряды добропорядочных горожан. До сегодняшнего дня Егор Иванович был уверен, что такого поселка давно не существует. Оказалось, что это не так. Но время здесь все изменило. Много лет назад нельзя было шагу ступить, чтобы не наткнуться на пьяную компанию; всюду слышалась хрипая брань, вульгарный женский смех, крики, то тут, то там, шныряли подозрительные личности, оглядывая цепким взглядом чужака в поисках легкой поживы. Сегодня Тучкова поразила гнетущая тишина и полное отсутствие людей.

Перейдя на другую сторону, Егор Иванович пошел вдоль дороги, рассчитывая поймать попутку и вернуться в город. С левой стороны от него тянулся длинный забор из бетонных плит, справа, через дорогу, – грязные двухэтажные домишки. Круг, о котором он забыл на время, активизировался и двинулся вместе с ним вдоль дороги. Тучков это сразу отметил, потому что у него участилось сердцебиение и по вискам обильно заструился пот. Ему снова показалось, как утром в сквере, что кто-то пристально наблюдает за ним, упивается его растерянностью, и этому «кому-то» очень нравится, что вокруг Тучкова нет людей, нет свидетелей.

Он шел, ориентируясь на край дорожного полотна, размышляя о том, как он мог оказаться в противоположном конце города, да еще в таких дебрях. Сначала он мысленно обматерил водителя маршрутки, но потом вспомнил, что полез в машину, не взглянув на номер марш-

рута, и всю дорогу вместо того, чтобы посмотреть в окно и убедиться, что едет не туда куда нужно, трусил, разглядывал шофера. Вспомнив водянистые глаза маршрутника, Егор Иванович почувствовал сильный озноб и ускорил шаг. Обдумывая странности сегодняшнего утра – как от него шарахались люди, этого странного парня, который привез его черт знает куда, Егор Иванович еще не связывал эти события воедино. Его только мучила тошнота и изводили дурные предчувствия.

Минут через десять он заметил впереди молодую мамашу с ребенком, которая прогуливалась вдоль бетонного забора и говорила по сотовому, лениво обмахиваясь ярко-голубой детской панамкой. Следом за ней, неуклюже переставляя ноги, ковылял мальчишка лет трех. Тучков обрадованно крикнул:

– Девушка! Одну минуточку! – и радостно прибавил шагу, чтобы догнать ее и распросить как быстрее добраться до города. Круг, к которому Егор Иванович начал потихоньку привыкать, расширился и стал волноваться.

Она обернулась, постояла, посмотрела на него внимательно, вдруг схватила ребенка за руку и быстро пошла вдоль забора. Мальчишка шел, повернув голову и не сводя с Тучкова испуганных, широко раскрытых глаз. Мамаша склонилась к нему на ходу, сказала что-то коротко и властно, и он перестал смотреть. Она беспрестанно оглядывалась и шла так быстро, что ребенок едва поспевал за ней, почти висел на ее руке. Егор Иванович семенил следом: «Девушка! Ну, подождите! Что вы, в самом деле? Я просто спросить хотел...» Чтобы показать ей, что он настроен дружелюбно и ей нечего бояться, Тучков рассмеялся. Правда, смех получился какой-то странный, больше похожий на хриплый лай, он и сам это почувствовал. Она оглянулась уже с нескрываемым страхом, подхватила ребенка на руки, и, перебежав дорогу, скрылась в подъезде ближайшего дома. «Вот дура!» – пробормотал Егор Иванович и прекратил преследование. Не хватало еще, чтобы сейчас вышел рассерженный отец семейства – разбиться! К тому же от быстрой ходьбы у Тучкова сбилось дыхание, и он плюхнулся на длинную корявую скамейку у бетонного забора, судя по окуркам, семечной шелухе и пустым пивным бутылкам вокруг – ежевечернее место сборища местной молодежи. Он достал из портфеля бутылку коньяка, сделал несколько жадных глотков.

Мысль о том, что все происходящее с ним укладывается в определенную схему, пришла к нему, когда он закурил и у него закололо сердце и сильно закружилась голова. «Вот так сдохнешь в этой глуши, никто и не заметит, – подумал он, на всякий случай уцепившись рукой за край скамейки. – Вон какая тишина: ни людей, ни машин. Хочешь грабь, хочешь убивай, хочешь переводи в иное состояние...» Он и сам не понял, почему в его голове возникла эти слова из вчерашнего ток-шоу. Он только усмехнулся и отметил, что некоторые совпадения, действительно имеются. Что там плел вчера этот чудила? Отчуждение, отторжение со стороны окружающих? Все совпадает. Потом этот маршрутник, что б его черти взяли, агент хренов! Завез его бог знает куда, выбирайся теперь, как хочешь! И кстати, про тихое, безлюдное место вчера тоже было сказано. Но в общем, решил он, это, конечно, всего лишь совпадения, занятные, хотя и неприятные.

Он поднялся со скамейки и продолжил свой путь в город. За десять минут мимо проехали две легковушки и обе не остановились. «Если так пойдет и дальше – я явлюсь на работу к обеду. – досадовал Тучков. Попробовал позвонить на работу, чтобы предупредить, что задержится, но линия оказалась занята, повторил попытку – получил тот же результат.

Он смотрел на пустую трассу, на безлюдную улицу, на темные окна домов, за которыми не проявлялось ни малейших признаков жизни, и раздражался все больше:

«Прямо апокалипсис какой-то. Что они тут вымерли все что ли?»

Словно в наспешку над его мыслями из-за угла одного из домов вышли трое парней, перешли дорогу и пошли навстречу Тучкову. Их вид: низкие лбы, кривые зубы и короткие ноги – все говорило о крайней степени вырождения. Они шли, смачно сплевывая и размахивая

синими от наколок руками, гогоча над какой-то похабщиной и громко матерясь. Еще минуту назад жаждущий общения Егор Иванович разволновался и, чтобы разминуться с ними, юркнул в промежуток между бетонными плитами. Если бы не эти трое, он пошел бы прямо, никуда не сворачивая, в конце концов, поймал бы попутку, и ничего бы не случилось. Впрочем, как знать? Ведь если все было спланировано заранее, то рано или поздно, тем или иным способом, его все равно привели бы в западню. Но тогда он подумал только о том, что в кармане его брюк лежат две тысячи триста пятьдесят рублей, старый, но еще вполне приличный телефон, а в портфеле – планшет, единственная серьезная покупка за последний год, которую он тщательно скрывал от жены, чтобы избежать ненужных разговоров. А здоровье? А нервы? А чувство собственного достоинства? Все это непременно пострадало бы, если бы Егор Иванович вздумал изображать из себя героя и пошел навстречу этим дебилам. Он никогда не был героем и с радостью нырнул в пролом в заборе.

Сначала ничего не случилось. По ту сторону бетонного загорождения оказалась промышленная зона – не то строительная база, не то химкомбинат. Он слышал, как парни поравнялись со щелью в заборе, остановились чтобы прикурить. Чтобы не ждать, пока они уйдут, Тучков пошел вдоль забора – только теперь с другой стороны – по узкой, заасфальтированной дорожке, рассчитывая, что когда забор закончится, он снова выйдет на дорогу. Рассуждая сам с собой, что вот бывают же такие мерзкие дни! он не заметил, как дорожка сузилась, резко свернула влево, а потом внезапно кончилась. Егор Иванович оказался среди старых гаражей, где ему вдруг сделалось жутко и откуда он никак не мог выбраться, потому что куда бы не повернулся – всюду наткнулся на грязные кирпичные стенки, исписанные граффити, и выкрашенные голубой и зеленой краской железные двери. При этом Круг стал более резким, давящим и чувство, что кто-то сопровождает его, усилилось. Тучков стал нервно оглядываться и поэтому не заметил у себя на пути камень, споткнулся и, нелепо взмахнув портфелем, растянулся во весь рост.

Он поднялся, осмотрел колени и ладонь. Брюки остались целыми, а ладонь сильно саднила.

Тучков выругался.

С трудом протиснувшись между двумя кирпичными стенками, он напролом попер через какие-то заросли, ободрав себе руки и лицо, прихрамывая, долго шагал по тропинке между деревянными заборами (казалось им не будет конца!) и наконец, увидел перед собой маленький уютный двор с двумя деревянными домами, большим раскидистым деревом и допотопной детской каруселью, когда-то покрытой ярко-голубой краской, а теперь облупленной и проржавевшей, но не увидел никого, кто мог бы жить в этих домах, сидеть на скамейке под деревом или кататься на карусели. Этот двор напоминал декорации к съемкам старого фильма, когда съемки закончились и место, где еще совсем недавно шумели и суетились люди, опустело.

Припадая на ушибленную ногу, Егор Иванович доковылял до карусели, бросил на землю портфель и устало плюхнулся на деревянную дощечку – сидение. Карусель сразу двинулась, удивительно легко для такой ржавой железки. Помимо головокружения, сухости во рту, он чувствовал, что выдохся, устал, потерял счет времени, потерял ориентацию. Ему показалось, что он таскается по этим дебрям несколько дней.

Он закурил, закинул ноги на соседнее сидение и подумал: интересно, который теперь час? Часов девять или десять. Во всяком случае, не больше половины одиннадцатого. На работе, конечно, уже заметили его отсутствие, судачат, возмущаются. Плевать. Откинув голову на спинку сидения, он пускал вверх колечки дыма, и отталкиваясь одной ногой от земли, приводил в движение карусель, с каждым толчком увеличивая скорость. Когда карусель, пройдя пару кругов, замедляла ход, он делал толчок ногой, и она начинала вращение заново. У него закружилась голова, и ему стало казаться, что все, что он видит вокруг, вращается вместе с ним. Перед его глазами по очереди проносились два дома – у одного была красная крыша, – зеленое раскидистое дерево, турник без перекладины, снова дом и так по кругу. На него нашло какое-то

странное отупение, такое отупение находило на него, когда он выпивал слишком много и ему все становилось безразличным. Он не хотел ни о чем думать, размышлять. Он думал лишь о том, что вот сейчас промелькнет темно-зеленая крона дерева, потом серые стойки сломанного турника, ярко-красная крыша, и делал толчок ногой. И вот тут, за секунду до того, как перед его глазами все слилось в сплошную красно-серо-зеленую ленту, что-то нарушило этот порядок, вклинилась лишняя деталь: как раз между сломанным турником и красной крышей промелькнул чей-то неподвижный силуэт. Егор Иванович вздрогнул, резко затормозил двумя ногами, но не смог остановить это кружение. Он стал беспомощным, как дитя. Его будто пригвоздили к этой карусели. Кто-то накрыл ладонью его глаза. Егор Иванович увидел со стороны, как он сидит на неподвижной карусели в маленьком безлюдном дворике, в неестественной позе, откинув голову назад. Круг расширился до невероятных пределов и отодвинул от Тучкова остальной мир со всеми его заботами, проблемами... Где-то, далеко за границами Круга, Егора Иванович увидел город, похожий на огромный муравейник, и почувствовал себя мухой, которая бьется в черном липком вакууме, вязнет в нем как в паутине. Его охватило чувство такой пронзительной тоски, что ее невозможно было вытерпеть. Ему показалось, что он только что умер, только еще не осознал этого.

«Вот, значит, как это происходит, – подумал Тучков с усилием открывая глаза, и ему стало жутко.

От страха ли, от того ли, что он сегодня пил натошак, Тучков ослабел, согнулся пополам, и с ним произошла вполне житейская вещь – его вырвало.

Когда мучительный спазмы прошли, Егор Иванович огляделся вокруг, и обнаружил что сидит не на карусели, а на скамейке под деревом. Вокруг не было ни души. Тут же, на скамейке, лежал портфель, а под ногами валялся недокурный бычок. Надеясь, что стал жертвой местной шпаны, Егор Иванович всполошился, проверил содержимое портфеля: планшет, стопка визиток, бутылка с коньяком, в которой осталось граммов сто пятьдесят, не больше – все оказалось на месте. Сотовый телефон и деньги находились там, где и прежде – в кармане брюк.

Посидев с минуту, Егор Иванович сделал осторожный вздох и, чтобы избавиться от противного вкуса во рту, допил остатки коньяка и швырнул бутылку в кусты.

Неспроста он оказался в этой глуши. Неспроста! Какая-то сила, могущественная и агрессивная, преследовала его сегодня. Как будто выбирая, кто-то ткнул в него пальцем, назначил жертвой и, отделив от остальных, играет с ним, забавляясь его растерянностью, тянет время, загоняет его в разные ловушки, чтобы потом прихлопнуть как крысу. Кто-то, от кого это зависело, вычеркнул его сегодня из длинного списка живых и ждет подходящего момента.

То есть происходит ровно то, о чем предупреждал вчера этот странный, полусумасшедший тип из передачи, которого – черт, черт, черт! – он никак не мог вспомнить. Других объяснений у Егора Ивановича просто не было.

Он помнил, кто он, помнил как его зовут, понимал, что сидя на этой скамейке, теряет время и что возможно сегодня его начальник потеряет терпение и уволит его, но чувствовал, что все это уже не имеет значения. Вместе с коньяком закончилась его прежняя жизнь, от нее остался только противный привкус и ноющая боль в правом боку.

Те, кто знал его хоть немного, а в особенности, те, кто знал его очень хорошо, сказали бы, что это была жалкая, пустая, никчемная жизнь, что о ней и сожалеть-то не стоит. Но Егор Иванович был далек от подобных оценок. Жизнь не такая штука, с которой можно проститься без сожаления, сбегать в магазин стандартных цен и приценившись хорошенько, приобрести новую. Жизнью дорожат, за нее цепляются, какой бы скверной она не казалась.

Больше всего его волновала услышанная вчера информация о телах, найденных в безлюдных местах. Тучкову очень не хотелось стать следующим, а судя по всему, именно это его и ожидало в этой пугающе тихой, безлюдной глуши, столь подходящей для «перевода в иное

состояние». Егор Иванович вспомнил свое недавнее ощущение чего-то липкого, вязкого, обездвигивающего и к горлу снова подкатила тошнота.

И тут Егор Иванович вспомнил, что есть у него один человечек, с которым он связан накрепко, и подумал, что если этот человечек тоже будет общаться с ним не так как обычно, значит, его и впрямь записали в покойники и это путешествие закончится для него очень и очень плачевно.

Желая кое в чем убедиться, Егор Иванович достал из кармана брюк сотовый телефон и нажал на кнопку.

Пять раз раздался длинный гудок.

«Возьми же трубку, сволочь! – мысленно заклинал Егор Иванович. – Пусть от тебя хоть раз в жизни будет какая-то польза...»

Воцарилась пауза длинной в целую вечность и сонный, недовольный голос ответил:

– Аллю...

– Любимая! – с преувеличенной нежностью произнес Тучков, заранее глумливо улыбаясь. – Извини, что разбудил тебя. Просто захотел услышать твой голос.

Несколько секунд трубка изумленно молчала, потом хриплый голос произнес:

– Что?

Егор Иванович представил, как с подушки приподнимается пухлое, заспанное лицо и маленькие глазки тупо смотрят в пространство, под копной пережатых, обесцвеченных волос медленно пульсирует мозг, переваривая это нежное голосовое послание.

– Солнышко! – сказал Егор Иванович сладким голосом, – в твоём возрасте и с твоим весом вредно много спать. Говорю тебе как врач. Так что поднимайся и займись, наконец, нашим гнездышком. Сегодня утром я не нашел на кухне ни одной чистой чашки, и мне...

– Господи! – быстро перебила трубка. – Какая же ты тварь! Просто не верится. Какого черта ты звонишь мне в такую рань? Ты что, уже пьян?

На том конце сделали глубокий вдох, и понеслось!

Она выплевывала оскорбления как автомат, не стесняясь, игнорируя границы и рамки, перейдя которые нормальные муж и жена уже не смогут смотреть друг другу в глаза, спать в одной постели. Ей было в высшей степени на это наплевать. И ей также было наплевать на странные ощущения, на силу, что сводила с ума его сегодня. Егор Иванович с удовольствием слушал визгливый поток слов, из которых следовало, что он пьяница, импотент и бог знает, кто еще. Что он там бормочет, она ни слова не разберет? Восемь часов утра, а он уже невменяем! И в таком виде он притащился на работу? Если его уволят сегодня, пусть пеняет на себя потом. И пусть не рассчитывает, что она станет содержать его на свой счет. Она не даст ему ни рубля и с удовольствием посмотрит, как он будет подыхать с голоду, мерзкий пьянчуга, ничтожество, погубившее ее жизнь...

Когда стерва выдыхалась, Тучков подначивал ее короткими фразами, почти безобидными, на его взгляд, и она заводилась по новой.

Когда-то она согласилась выйти за него, подарила ему свою молодость, свою красоту. И что она получила взамен? Ни-че-го. Ничего она не получила, кроме головной боли. Какие мужчины ухаживали за ней! Сильные, уверенные в себе, которые знали чего хотят от жизни и умели это получить. Какую жизнь они могли ей дать! Так нет же, нужно было связать свою жизнь с таким дерьмом. Настоящий мужчина давно совершил бы поступок ради любимой женщины: разработал бы новую технологию, написал бы книгу, совершил научное открытие, ограбил банк, в конце концов! Что угодно, что угодно! только бы обеспечить ей нормальную жизнь, которую она заслуживает, только бы не видеть, как любимая женщина чахнет в нищете! По крайней мере, настоящий мужчина поступил бы именно так...

– Так то – «настоящий», – невинным голосом вставил Егор Иванович, но она его не слушала.

Нужно было бросить его на второй год после замужества. Она уже тогда поняла, что он жалкий неудачник. Но нет! Она хотела быть великодушной, наивная дура, давала ему шанс. Разве он оценил это? Вовсе нет. Все, на что он способен – драть зубы и лакать свое пойло втихаря. И вот теперь, после двадцати лет унижения, он звонит ей в такую рань, – хотя она попросила его вчера как человека не тревожить ее и дать ей возможность восстановить силы перед тяжелым рабочим днем, – чтобы наговорить ей гадостей и поиграть на ее и без того истрепанных нервах?

Она перестала кричать и сказала четко, спокойно и уверенно:

– Что б ты сдох. – и бросила трубку.

Егор Иванович дослушал этот эмоционально исполненный монолог, который слушал в течение последних десяти или даже пятнадцати лет своей жизни, рассмеялся и облегченно вздохнул: жизнь продолжается, ребята! Может, некоторые неадекватные граждане и не реагируют на него, зато любимая женщина реагирует! А это значит, что смутные подозрения, возникшие у него в голове, странные, изматывающие душу ощущения – всего лишь плод его воображения, вызванный просмотром идиотских телепередач и переизбытком ненужной информации. Надо только поскорее убираться отсюда.

Тучков смотрел на окна домов, на обшарпанные двери подъездов и надеялся, что сейчас, вот в эту самую минуту, из дому выйдет обычный человек, который не будет внушать ему опасения и сам не станет шараться от него, как от ожившего мертвеца. Егор Иванович кивнет ему в знак приветствия, скажет что-нибудь насчет погоды, а человек улыбнется дружелюбно, охотно согласится: «И не говорите! Лучшее время года – начало осени, наконец-то спала жара», и они немного поворчат по поводу необычайно жаркого лета. А потом Егор Иванович вставит как бы невзначай: «Заплутал я тут у вас... Как добраться до центра, подскажите, ради бога? «И прохожий расскажет подробно, где находится ближайшая остановка, а может, они дойдут до остановки вместе (если он вышел из дома, стало быть, ему тоже нужно куда-то ехать), по пути будут разговаривать, как ни в чем не бывало, и Егор Иванович, добродушно подтрунивая над собственной рассеянностью, поведает, как перепутал городскую маршрутку с пригородной и оказался здесь, в этой дыре, хотя живет и работает в центре: «Это просто анекдот какой-то, честное слово! Кому рассказать – не поверят...» И прохожий, можно сказать, спаситель, возразит: «Не скажите! Я вот тоже однажды...» Это будет обычная беседа двух нормальных людей, и в этой беседе Егор Иванович обязательно упомянет, что работает в дорогой зубоврачебной клинике и даст спасителю свою визитку, а тот посмотрит на него с уважением и скрытой завистью, потому что они все в этом районе нищebroды и не посещают таких заведений. Он так живо представил себе это общение, что поклялся вступить в контакт с первым, кто попадется ему на глаза.

И тут ему повезло. По крайней мере, так он решил, когда увидел ту женщину в белом платье, настолько ярком, что его невозможно было незаметить даже издали. Она вышла из подъезда дома с красной крышей, постояла на ступеньках, разглядывая Тучкова, прикрываясь рукой от солнца, и махнула ему рукой. Впрочем, может, она и не махала, но тогда Егор Иванович истолковал ее жест как приглашение и, как последний дурак, устремился ей навстречу, уверенный, что ему ничего не грозит. Ну что могла ему сделать женщина? И очень удивился, когда не дождавшись, пока он приблизится, она почему-то рассмеялась и шмыгнула обратно в подъезд. Обескураженный таким странным поведением, он потоптался у подъездной двери и нерешительно шагнул в подъезд, где на него сразу пахнуло подвальной сыростью. Как только за ним закрылась дверь, Тучков погрузился во мрак, а когда глаза притерпелись к темноте, он различил просторную площадку на первом этаже, две хлипкие двери – одна напротив другой, и широкую деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. Держась за перила, он поднялся по ступенькам, которые прогибались под его весом и издавали громкий неприятный скрип, огляделся: окно между первым и вторым этажом наглухо заколочено фанерой из-за разбитого

стекла, вот почему такая темень и не видно ни черта; двери, довольно странные – ни ручек, ни звонков – распахнуты настежь, заходи и бери, что хочешь. Он еще подумал: так не бывает. И потом эта гнетущая тишина. Если здесь живут люди, то должны же быть какие-то звуки, голоса, шаги, звук телевизора или радио, на худой конец! А тут тишина, да еще такая, что Егор Иванович слышал собственное дыхание, довольно тяжелое из-за четкого осознания – нет тут никакой женщины, и быть не может, а тот, кто заманил его сюда и поджидает за одной из этих дверей, уж точно не станет объяснять ему, где находится ближайшая остановка, и еще он понял, что ему не нужно здесь околачиваться, а нужно убираться отсюда и как можно скорее. И Тучков стал быстро спускаться на первый этаж, громко скрипя ступенями, чувствуя, что именно здесь произойдет что-то очень тяжелое, то, чего он смутно опасался с самого утра.

Как только он поровнялся с одной из дверей на первом этаже, раздался скрип, еще более противный, чем скрип ступеней, дверь приоткрылась, и в проеме показалось иссохшее, морщинистое лицо. Голубые, выцветшие глаза обшарили лицо Тучкова, дверь приоткрылась пошире, и Егор Иванович увидел лохматого, неопрятного старикашку, смутно напоявшего ему дальнего родственника, умершего много лет назад. Старик был такого маленького роста, почти карлик, что в первую секунду Тучкову показалось, что дверь открыл ребенок. Старикашка отступил, распахивая дверь настежь, сказал, неприязненно оглядывая Тучкова: «Наконец-то...» Круг радостно устремился к двери и потащил Тучкова за собой. Предчувствуя какой-то подвох, Егор Иванович застыл в проходе, сопротивляясь Кругу. Старик повернулся спиной и, приволакивая правую ногу, пошел по узкому коридору. Тучков стоял, вытянув шею, с нарастающей тревогой заглядывая внутрь квартиры и рассматривая грязную комнату, посреди которого стояла узкая кушетка, покрытая рыжей клеенкой. Старик приглашающе похлопал ладонью по клеенке и, не смотря на то, что комнату заливал яркий солнечный свет, стал зажигать свечку. Их разделял только коридор, и Тучков хорошо слышал его недовольный голос: удивительно настырный вы молодой человек, сами же понимаете, что так дальше продолжаться не может, а все упрямитесь, и приходится вас затаскивать сюда чуть ли не силой. Ну скажите по совести, разве это жизнь? Ведь это не жизнь, а гадость... Мучаете только себя и окружающих. Вам не для того позволили прийти в этот мир, чтобы вы пьянствовали и изводили других людей... Старикашка притащил из глубины комнаты колченогую табуретку, предупредил, что процесс не быстрый, но безболезненный, главное, не сопротивляться, думать о чем-нибудь постороннем, лучше читать молитву, любую, какую знаешь, и уставился на Тучкова выжидающе. Все больше волнуясь и понимая, что ему ни в коем случае нельзя переступить порог этой квартиры, а тем более закрывать за собой дверь, Егор Иванович пробормотал, что тут, очевидно, какое-то недоразумение, ошибка. Старик перебил его, сказал грубо: «Хватит выпендриваться» и решительно двинулся навстречу.

От страха у Егора Ивановича так сильно забило сердце, где-то у самого горла, что он невольно схватился рукой за шею и выпустил дверь, которая сразу захлопнулась, может, от сквозняка, а возможно потому, что здесь все подчинялось этому мерзкому старикашке. Пока старик шел ему навстречу, Егор Иванович стоял с колотящимся сердцем, выставив перед собой портфель на манер щита, а когда тот подошел совсем близко, Тучков, плохо соображая, размахнулся и ударил его портфелем, потом еще раз, и еще – бил, куда придется, лишь бы попасть! – до тех пор, пока старик, прикрывая голову руками, не сполз по стене. Тучков остановился, посмотрел на портфель, отбросил его, потом посмотрел на свои руки, брезгливо вытер их о рубашку, распахнул дверь – она оказалась не заперта, и выскочил из подъезда.

На секунду зажмурившись от ослепившего его солнечного света, Егор Иванович оглянулся на окно на первом этаже и увидел за стеклом старческие патлы, свисающие вдоль уродливого морщинистого лица и злобно прищуренные глаза. Он опомнился и побежал, на этот раз не разбирая куда, лишь бы подальше от этого проклятого дома. Круг бесновался, мешал бежать, спутывал ноги. Сам не зная как, Тучков оказался на трассе. Метрах в тридцати он уви-

дел шлагбаум железнодорожного переезда и уходящее вдаль полотно железной дороги. Егор Иванович отдышался и направился к будке дежурного. Но не увидел никого – все как будто вымерло, отвлекся на секунду, а потом случайно бросил взгляд влево и увидел ее – крепкую здоровую тетку в беретке. Он так и не понял, откуда она взялась, будто соткалась из воздуха. Она стояла и смотрела на него изучающе. Тучков остановился и стал смотреть на нее. Ему почему-то не хотелось к ней подходить, должно быть, сработала интуиция. Егор Иванович крикнул, не двигаясь с места:

– Как добраться до центра?

Тетка ничего не ответила и продолжала рассматривать его пристально, как дети рассматривают насекомых через увеличительное стекло, но в ее глазах не было ни любопытства, ни интереса, а было что-то бездушное, как у робота. Склонив голову набок, она шарила по Тучкову маленькими, заплывшими глазками, и как видно не собиралась отвечать. Егору Ивановичу вытер испарину со лба, потоптался на месте.

– Где у вас тут остановка? Мне срочно нужно в город... – неуверенно спросил Тучков и снова в ответ – ни звука.

Тетка пошла Тучкову навстречу, а приблизившись, по-хозяйски взяла его за руку и повела за собой. Она сделала это так уверенно, что Егор Иванович растерялся и какое-то время шел за ней послушно, как ребенок, но вскоре спохватился и стал выдергивать ладонь, которую она крепко сжала своей очень сильной, почти мужской рукой. Миновав будку дежурного, они вышли к железнодорожным путям, за которыми желтела лесополоса. За все время пути она не выпускала его руку и тянула за собой почти насильно. Когда он робко спросил, куда они направляются, она бросила не оборачиваясь:

– Молчи, дурак!

На железнодорожной насыпи рядом со знаком: «Берегись поезда!» они остановились – навстречу им, подавая громкий оповестительный сигнал, неслась электричка. Тетка вдруг взяла Тучкова двумя руками за плечи, повернув лицом к железнодорожному полотну, сказала почему-то, когда он дернулся:

– Погоди. Рано еще...

Поезд стремительно приближался.

За несколько секунд до того, как с ними поравнялся красный вагон локомотива, он понял, что она собирается вытолкнуть его на рельсы.

Егор Иванович выворачивался, крутился в ее руках как мог, но у нее была железная хватка – он никогда не встречал женщину с такими сильными руками! Он сделал обманчивый ход – покорно обмяк в ее руках, и она купилась, ослабила захват, а он рванул что есть мочи, перепрыгивая через рельсы, чуть ли не у самого носа электрички.

Поезд разделил Егора Ивановича и эту нелюдь. Он побежал по насыпи, в сторону, противоположную движению поезда. Когда прошел последний вагон, он оглянулся: нелюдь стояла на месте и смотрела на него, злобно прищурившись. Егор Иванович показал ей неприличный жест и быстро зашагал вперед, туда, где виднелся перрон железнодорожной станции. Его трясло, как в лихорадке, пот заливал глаза, но он не только не остановился, а даже ускорил шаг, все больше удаляясь от этой твари. Напоследок он обернулся и крикнул:

– Оставьте меня в покое, сволочи! – и гневно погрозил ей кулаком.

На станции он сел в автобус.

До центра добрался без происшествий, сев в хвосте салона, особняком от других пассажиров, чтобы не спугнуть их своим вторжением. Он больше не хотел ни в чем убеждаться. Он знал, что стоит ему подсесть к ним поближе, как они уставятся на него, будто он умер неделю назад и вдруг решил немного прогуляться, а потом скопом сойдут на ближайшей остановке. Пока автобус несся навстречу новостройкам, он сидел тихо, стараясь не привлекать к себе

внимания, глядя в окно и с облегчением отмечая, что пустыри, грязные домишки и железная дорога остаются далеко позади.

До него доносились обрывки чужих разговоров: парень напротив Тучкова, сладко потягиваясь, обещал своему приятелю, сидевшему рядом, что приедет домой и сразу завалиться спать. У обоих были опухшие лица и красные глаза, должно быть из-за бурно проведенной ночи. Старуха в цветастом платье громко жаловалась соседке у окна, что «...у Васьки обострился ревматоидный артрит, и она уже неделю корячится на даче за себя и за того парня». Тучков мрачно озирает лица попутчиков, озабоченных заурядными житейскими проблемами, и задыхался от зависти. Он готов был поменяться местами с любым из этих ничем не примечательных людей, только бы не погружаться в липкий вакуум, только бы не ощущать пределы мерзкого Круга, от которого ныла голова и колотилось сердце. Он чувствовал себя жертвой чудовищной несправедливости и не понимал, почему выбор пал на него. Ведь согласно логике этого горе-проповедника из телепередачи, которому давным давно, еще в глубоком детстве, следовало посетить хорошего ортодонта, Егор Иванович получался аморальным эгоистом, который разрушает Среду или Материю, в общем, какую-то хрень изнутри. А Егор Иванович был категорически не согласен с такой формулировкой. Он не считал себя плохим человеком. Вовсе нет. Какой же он аморальный? Он не развратничает, не ворует, не подсиживает, никому не причиняет зла. Наоборот! В последнее время именно ему приходится терпеть унижения со стороны окружающих, мириться с их равнодушием, высокомерием и хамством. Правда, у него почему-то совсем не осталось друзей. Единственный человек, с которым Егор Иванович поддерживал приятельские отношения был тихий, интеллигентный электрик Юра, сосед со второго этажа. Егор Иванович ходил к нему раз в неделю, переброститься в картишки, а заодно потрендеть о политике, поучить его жизни (Юра был моложе на шесть лет и часто советовался с Егором Ивановичем по разным вопросам). Они отлично ладили, можно сказать, дружили. Но в последнее время Юра стал его избегать. Должно быть, потому что Егор Иванович нелестно отозвался о его жене, сказал как-то, что она, конечно, женщина заботливая, добрая, чаем всегда напоит и встретит приветливо, но уж очень некрасивая, больше смахивает на здорового, крепкого мужика, небось, рада до смерти, сердешная, что нашелся лох и взял ее замуж – с такими-то ручищами! – и еще пошутил, мол, понятно, почему Юра такой тихий. Юра посмотрел на него как-то странно, промолчал, но больше Егора Ивановича к себе не приглашал. Выходит, все же обиделся. Только причем же здесь Егор Иванович? Он ничего не придумал, не солгал, жена у Юры и впрямь не красавица. Так на что же тут, спрашивается, обижаться? А в общем, ему все равно, как она выглядит. Плевать он хотел на Юрину жену. Да и на Юру тоже.

Может, все дело в том, что он слишком увлекся экономией? Но и тут он не видел ничего предосудительного. Деньги свои он не нашел и не украл, а заработал собственным трудом, так почему же он должен швырять их направо и налево в угоду окружающим? Почему не должен жалеть их и относиться к ним бережно?

Если же страшным грехом теперь считается пропустить пару рюмашек после напряженного рабочего дня, то он вообще отказывается что-либо понимать. Тогда агентам придется укокошить пол страны! Никаких пригородов не хватит...

Может, он и не лучший представитель человечества... А кто лучший? Явно не эта сутулая бабка, которая громко препирается с кондукторшей по поводу низких пенсий. И уж точно не этот парень, что сидит напротив. С таким-то бандитским лицом! Может, он и его приятель вообще сегодня ночью ограбили кого-нибудь или даже убили, иначе какого черта они делали ночью за городом? А вот сидят же, как ни в чем не бывало! Нет, пусть ему покажут, кто хороший, кто правильный! Хотелось бы взглянуть на этого человека, который судя по новым правилам, будет жить вечно. Только пусть не приводят в пример какого-нибудь Нобелевского лау-

реата или Человека Мира. Получай Егор Иванович такие премии, он тоже вел бы себя иначе: был бы щедрым, любезным, великодушным...

Все это были безусловно правильные, но бесполезные мысли. Толку от них никакого. Если сегодня от него решили избавиться, то бессмысленно искать себе оправдания. Все равно никому ничего не докажешь.

«Черт возьми, как хочется выпить!» – думал он, глядя на мелькавшие за окном высотки, и подумал, что теперь даже не может зайти в магазин и купить выпивку – никто не продаст алкоголь тому, кого – как же там говорилось? – ах, да! уничтожили на ментальном уровне, а проще говоря, покойнику.

Он сошел на остановке возле торгового центра и зашагал в «Улыбку».

Он-то был уверен, что в клинике безопасно. Там будет слишком многолюдно, слишком буднично для всякой мистической чепухи. И он не представлял, что его сослуживцы – люди ответственные и занятые – в разгар рабочего дня могут уйти с работы, чтобы не находиться с ним в одном помещении, потому что его, видите ли, уничтожили на ментальном уровне! Такое было просто невозможно. Егор Иванович чувствовал, что Круг никуда не делся, а только затаился, притих в ожидании.

Тучков взглянул на часы, понял, что его отсутствие уже не назовешь опозданием, скорее прогулом. Часы показывали четверть второго. Он заранее приготовился к неприятному разговору с шефом, потому что тот обязательно вызовет к себе и потребует объяснений. Нужно знать, что ответить. И Тучков решил: скажет, что проходил медобследование по поводу печени, сделает мрачное лицо, как будто получил неутешительные анализы и теперь сильно переживает. Шеф не станет трепать нервы человеку, которому вообще неизвестно сколько осталось. Придумывая эту маленькую ложь, Егор Иванович живо представил себе пятничную рабочую суету, пациентов с напряженными лицами, сидящих на кожаном диване в холле в ожидании неприятной процедуры, звуки работающих бормашин в кабинетах. Там ему непременно полегчает.

Через три минуты он уже ни на что не надеялся, потому что шефа на месте не оказалось. И не только шефа, но и остальных сотрудников. Всех, кроме администратора Кристины и гардеробщицы на первом этаже, которая заметив его в дверях, уставилась на него с изумлением.

Егор Иванович быстро, не здороваясь, прошел мимо вахты и поднялся на второй этаж. Еще на лестнице его насторожил голос Кристины, гулко раздававшийся на втором этаже, громко констатирующий, что все мужики – настоящие козлы и всем нужно только одно: затащить девушку в постель. Так она могла разговаривать, только если в холле не было посторонних. Это показалось ему странным. Поднявшись в холл, он с удивлением обнаружил, что кожаный диван для клиентов сегодня пустовал, и из кабинетов не доносилось ни звука. Он застыл, держась рукой за перила, не зная что делать дальше. Кристина кивнула ему из-за стойки ресепшина и предупреждающе выставила палец, чтобы он не приставал к ней с расспросами, бросила строго: «Секундочку! Важный разговор...», крутанулась на вертящемся стуле, и демонстративно развернувшись к нему спиной, понесла свою чушь дальше. Она не собиралась из-за Егора Ивановича прерывать интересную беседу.

Он еще мог развернуться и уйти. Но во-первых, треп администраторши, такой обыденный, такой пошло-реальный, притягивал его как магнитом, а во-вторых, в его кабинете, в пакете с зимней обувью, в правом ботинке, была припрятана записка. А ему просто необходимо было выпить, необходимо расслабиться. Кто знает, как оно пойдет дальше? И он потихоньку, за спиной у Кристины, прошел в свой кабинет, по привычке нацепил белый халат, долго рылся в шкафу, нетерпеливо шуршал пакетами, чертыхаясь в пол голоса, – давно надо было навести здесь порядок! Пакет с запиской он обнаружил почему-то под батареей, жадно припал к маленькой плоской бутылочке, почувствовал, что проклятый Круг становится едва ощутимым, словно растворяется в воздухе.

Теперь он сидел на стуле со стаканчиком в руке и пытался спокойно вникнуть в суть происходящего. Перебрав в памяти весь сегодняшний день, он решил, что его главное спасение – люди. Свои, посторонние – не важно! Важно, постоянно маячить у кого-то на глазах. Вчера на передаче тот человек (Егор Иванович уже не осмеливался называть его сумасшедшим) сказал, что есть граждане, которым удалось выжить, агентам помешали свидетели. Значит, шанс все же есть. Он только не понимал, как отличить агентов от простых людей. И хорошо бы все-таки вспомнить, где он видел этого человека раньше, это могло бы помочь разобраться, может быть, даже спастись.

Егор Иванович напряг слух и явно различил кокетливое хихиканье. Только этого не хватало! Он приоткрыл дверь и услышал капризный, выламывающийся голос Кристины:

– Нет, я не хочу мальчика! Они слишком активные. Я хочу девочку, они ласковые и гораздо спокойнее. И чтобы шерсть была светлая.

Егор Иванович на секунду обалдел от услышанного, но потом сообразил, что эта безмозглая телка выклянчила у болвана-поклонника собаку или кота. Но гораздо более важную информацию услышал далее:

– Нет, я не могу с тобой поехать. Освобожусь минут через сорок. Не знаю. Может быть. Посмотрим на твое поведение...

Егор Иванович вздохнул с облегчением: стало быть, в его распоряжении примерно сорок минут, может быть, чуть меньше – эта профурсетка никогда не отличалась пунктуальностью. Егор Иванович разглядывал ее в приоткрытую дверь, видел как она строчит кому-то сообщение по телефону, быстро перебирая пальцами. Это был единственный островок реальности, глупой, пошлой, но все-таки реальности, в окружавшем его безумии. Что если подойти к ней, заговорить? Так, ничего особенного, спросить, например, куда все подевались? почему нет ни одного клиента? что за день такой сегодня?

«Попробовать что ли?» – Егор Иванович открыл дверь пошире, шагнул в холл, медленно пошел к ресепшену. Круг проявился, окреп, двинулся навстречу островку реальности, соприкоснулся с ним, потеснил его, а потом выдавил. Администраторша подскочила на стуле, подхватила сумку, бросила, не глядя на Тучкова:

– Я ухожу. Полина все закроет. Привет!

Облокотившись на полку ресепшена, Егор Иванович постоял в раздумьи, послушал с тоской, как Кристина загромыхала высоченными каблуками по ступенькам, спустилась на первый этаж, громко что-то сказала гардеробщице. Потом раздалось мелодичное позвякивание – значит, она открыла дверь – и воцарилась тишина. И тут до Егора Ивановича дошло, что ему нужно бояться того, кто сам вторгнется в Круг, того, кому комфортно в Круге, потому что он этот «кто-то» – сам часть Круга. Он не знал, кто это будет – мужчина или женщина, но он знал, что как только он или она явится, нужно бежать со всех ног, спасаться, ходить по улице, приставать к прохожим, к тем, кто избегает его, чтобы ни на минуту не оставаться одному. Тучков заторопился, вспомнив, что как раз сейчас совершенно один.

Он вернулся в кабинет, предварительно оставив дверь открытой. Так ему было спокойнее. Потом открыл шкаф, снял вешалку, чтобы повесить халат, а когда повернулся – сердце у него упало, и он едва не вскрикнул от неожиданности. Он вдруг понял, что опоздал со своими предосторожностями, что его страхи приняли реальные очертания и воплотились в шестидесятилетнюю женщину, которая сидела сейчас в зубоврачебном кресле и держала на руках спеленутого в цветастые тряпки младенца. За стеклами больших очков в грубой роговой оправе бегали воспаленные красные глазки, маленькое лицо с заостренным носиком, немного вытянутое вперед, напоминало крысиную мордочку, а из-за того, что женщина часто морщила нос, казалось, что она постоянно что-то вынюхивает. Он смотрел на нее сверху и видел ее макушку, с небольшой проплешиной, окруженной жесткими рыжеватыми волосами. Пеленки младенца, грязные, затасканные, выглядели подозрительно, и Егор Иванович почему-то был убежден, что

внутри спит не потешный, вызывающий умиление карапуз, а мерзкий, отвратительный урод, на которого нельзя смотреть без содрогания, как раз под стать своей няньке.

Она была омерзительна. Тучков не только не смог бы лечить ее, не смог бы даже взять ее за руку. Она вызывала у него отвращение. И страх.

Мысли бились в голове Тучкова, как испуганные мыши. «Откуда же она взялась? Неоткуда ей взяться. Какая странная и... мерзкая. И кто мог доверить этой старухе ребенка?»

Пациентка подняла голову и спросила, что ей делать.

Тучков робко кашлянул в кулак, сказал, что они уже закрываются, что ей надо прийти в понедельник и...

Она приложила палец к губам, призывая его к молчанию, и озабоченно склонилась над ребенком.

– Не плачь, маленький! Ну, не надо плакать! – и заворковала, качая сверток из стороны в сторону. И этот цветастый куль показался Тучкову подозрительно легким на вид. – Баю-баюшки-баю, тебе песенку спою... – запела она монотонным, лишенным интонации голосом.

Егор Иванович терпеть не мог детей. Но даже он знал, что если ребенок плачет, то это должно быть слышно.

Из пеленок не доносилось ни звука.

И он знал, что младенцев не кладут на пол, а именно это она и сделала, и вдобавок подвинула его ногой с прохода. И с готовностью уселась в кресло в ожидании лечения.

– Что вы делаете? – хрипло спросил Егор Иванович. – Зачем вы положили его так?

– А он привычный! Привычный. – пояснила она и рассмеялась быстрым неприятным смехом, обнажая мелкие зубки, немного скошенные к центру. – Что вы! Это для него ерунда. Он только холода не любит. Любит, чтобы было жарко. Как в аду.

– Где? – Егор Иванович часто заморгал. Ладони у него взмокли.

– В аду. – Она посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась тонкими, бескровными губами. – Вот там действительно жарко. Да что я вам говорю, вы и сами скоро узнаете... – Произнеся эту фразу, она уставилась прямо перед собой и снова спросила, что ей делать.

Страх – изнуряющее чувство, поэтому на Тучкова накатила усталость. Ему захотелось поступить так, как он поступал всю жизнь, когда сталкивался с тем, что было сильнее его. Он хотел сказать что-то примиряющее, разжалобить ее, заплакать, может быть даже, встать на колени. Он вовсе не плохой и никому не сделал зла. Он жалкий, безобидный, несчастный алкоголик с увеличенной печенью, обильно потеющий от страха.

– Поймите, я не смогу вас лечить, – пробормотал он. – Я уже выпил. Я пьян. Я – алкоголик, понимаете?

Прежде, когда Тучкову намекали на его пагубное пристрастие, он всегда возмущался и бурно протестовал. Теперь, сообщая посторонней женщине о том, что страдает алкоголизмом, Егор Иванович постарался придать голосу побольше убедительности. Ему казалось крайне важным, чтобы она поверила ему, пожалела его и оставила в покое.

Но глядя в ее отталкивающее, безразличное лицо, он понял, что это бессмысленно. Она его не слушала, даже не смотрела ему в глаза, вряд ли вообще его поняла. Попытаться ее разжалобить – все равно, что рассказывать какой ты несчастный КАМАЗу, мчащемуся на тебя со скоростью 120 километров.

– Убирайтесь отсюда. Немедленно! – громко и решительно сказал Тучков и указал пальцем на дверь. Пациентка не обиделась, послушно сползла с кресла, подняла младенца с пола, положила на столик для инструментария и сказала:

– Ладно. Только перепеленаю его...

Она разворачивала пеленки, и ее лицо с острым носиком и тонкими губами светилось нежностью.

Тучков чувствовал, что все слова и злой голос бесполезны. Она сделает то, зачем пришла. Непременно. В ней было что-то противное, вызывающее у него тошноту. Он не знал, что она выкинет в следующий момент, может быть, достанет из этого цветастого вороха молоток и разнесет ему череп, а может, вытащит пистолет и прострелит грудь. Среди множества дурацких предположений, которые пронесли у него в голове за одну секунду, мелькнула здравая мысль: «Чушь какая-то!».

Как только она склонилась над своими тряпками, Тучков резко, двумя руками, толкнул ее в спину, увидел краем глаза, как она, охнув, повалилась на стол, придавила своим телом цветастый сверток, послышался грохот падающих со столика инструментов и бьющихся стеклянных флаконов, рванулся к двери, выскочил из кабинета, а потом, чертыхаясь и матерясь, загромыхал по ступенькам на первый этаж, пронесся мимо оторопевшей вахтерши, которая крикнула ему что-то вслед.

Выскочив на улицу, он сбавил шаг и направился к остановке.

Вечером в пятницу город необычайно оживлен, и Тучков видел вокруг себя множество людей.

Но все они уже не могли ему помочь. Они уже были по другую сторону и не видели того, что видел он.

Он мог позвонить жене, позвонить шефу.

И мог и не мог.

Все кого он знал, сказали бы, услышав такие нелепые объяснения, что у него белая горячка, что он просто жалкий пьяница, который бредит или старается таким глупым способом привлечь к себе внимание. А просто знакомые вряд ли пришли бы ему на помощь. Он знал, что он – неприятный человек и не рассчитывал ни на жалость, ни на сочувствие.

Жена не брала трубку. Должно быть, злилась за утренний звонок. А может быть, проклятая Материя позаботилась об этом: ведь покойники не могут звонить по телефону.

Слушая длинные гудки, Егор Иваныч машинально оглядывал прохожих, и вдруг лицо у него побледнело и вытянулось. Среди толпы он заметил рыжеватую, коротко стриженную голову, роговые очки и цветастые пеленки.

«Этого не может быть! Наверное, я схожу с ума!» – он потрогал холодный, покрытый испариной лоб.

К дому он неся уже трясясь от страха и тяжело дыша.

Подбадривая себя разными словами и обзывая себя «параноиком», он взлетел на восьмой этаж. Не привыкший к таким физическим нагрузкам, согнулся пополам, пытаясь отдышаться и хватая ртом воздух, но тут же, гонимый страхом и паникой, пошатываясь и издавая хриплые звуки, устремился к двери своей квартиры.

Только после того, как за ним захлопнулась входная дверь, Егор Иванович почувствовал облегчение. Он немного посидел в коридоре на полу, прислонившись спиной к двери и напрягая слух. Ничего он не услышал, кроме шума движущегося лифта.

Он проверил, надежно ли заперта дверь, и прошел на кухню, а там обессиленно повалился на табурет и уставился перед собой.

Он решил отдышаться и взять из комнаты большой медицинский справочник. Сейчас его интересовали термины «галюцинации» и «бред».

И в этот момент тихонько хлопнула входная дверь. Даже не хлопнула, а аккуратно прикрылась.

«Слава богу, жена пришла.» – подумал Тучков, трусливо прислушиваясь к возне в коридоре.

– Это ты? – сдавленно крикнул он и удивился, каким слабым и жалобным казался его голос в тишине.

Никто не ответил ему, и он стал медленно приподниматься на стуле.

– Почему ты молчишь? – еще раз крикнул Егор Иваныч, и на этот раз в его голосе прозвучали истерические нотки.

Егор Иванович стоял, напряженно прислушиваясь. Он боялся выглянуть в коридор и боялся не сделать этого. Из кухни не было другого выхода, и он почувствовал себя буквально загнанным в угол.

«Это просто галлюцинации. Надо взять себя в руки...»

Он сделал глубокий вдох и потом медленный выдох. Еще раз вдох, еще раз выдох...

– Баю-баюшки-баю, тебе песенку спою... – голос, полный нежности напевал колыбельную, приближаясь. – Ах ты мой маленький... Мой хороший... Сейчас... сейчас...

Егор Иванович затравленно оглянулся по сторонам и распахнул окно.

Он не хотел прыгать. Он хотел позвать на помощь, крикнуть, может быть, даже закричать во весь голос.

Шаги становились все более слышными.

Он знал, что сначала в дверном проеме появится заостренный носик, потом тяжелая оправа роговых очков, рыжеватая макушка...

Он подставил стул, распахнул окно и встал на подоконник, но никак не мог заставить себя отвести глаза от дверного проема, в котором вот-вот должна была появиться она...

Ошибка заключалась в том, что он стоял на подоконнике спиной к оконному проему, и как только существо приблизилось к кухне, он отшатнулся назад, на секунду потерял равновесие и быстро заскользил ботинками по металлическому отливу, одновременно пытаясь ухватиться за кирпичные выступы. Он прилагал столько усилий, что даже не чувствовал, как на обламываются ногти и костяшки пальцев, скользят по поверхности бетона как масло.

За несколько мгновений, до того, как Егор Иванович перешел некую черту, после которой уже ничего нельзя поправить, в самый неподходящий момент (как он и предполагал!) сработала, наконец, данная мозгу установка, и Тучков вспомнил, где он видел человека из телепередачи, который сообщал населению о совершенной Материи – не такой уж совершенной, как может показаться, потому что если вы ей не понравитесь, то вас ждут большие неприятности. Тучков видел его в одном сериале, где он был шестеркой у криминального авторитета. Совсем ничтожная личность, уголовная рожа. Он появился в кадре минуты на три, не больше. Потом его застрелили. В сериале он не носил очков, а носил кепку и часто улыбался своей весьма характерной улыбкой. Вот почему Егор Иванович никак не мог его вспомнить – образы слишком разные. Это был актер! Совсем неизвестный, жалкий актеришка, подставное лицо, которое ввели в ток-шоу, должно быть, для придания ей хоть какого-то интереса. А стало быть, все, что он нес с экрана, вся эта чушь про Материю, про агентов, про бездыханные тела – четверо мужчин и две женщины! – все это сплошное вранье, выдуманное редактором и хорошо сыгранное этим...

Додумать Егор Иванович не успел, потому что потерял опору и полетел вниз.

Привлеченные его криками прохожие удивленно подняли головы и увидели, что с восьмого этажа летит что-то тяжелое.

По пути тело наткнулось на крону старого дерева.

Одна ветка порвала ему щеку, другая проткнула правое легкое, так что Тучков умер еще до того, как его тело с глухим звуком стукнулось об асфальт...

Глава 2

Каждому молодому человеку нравится, когда его девушка улыбается. Это любят все. Приятно, когда родное лицо встретится с вами взглядом и засияет навстречу, излучая любовь и симпатию.

Савва был не таким как все. Ему нравилось, когда девушка, лучшая девушка из всех существующих, хмурилась. Может быть, потому что у нее были необыкновенно красивые, вразлет, русые брови и огромные, как у ребенка, синие глаза и стоило ей задуматься, брови сдвигались, образуя маленькую, едва заметную морщинку. В этот момент ему казалось, что в мире нет ничего прекраснее этого нахмуренного лица. Он смотрел на эту морщинку, и у него щемило сердце.

А может, дело было в том, что он уже не помнил, как она улыбалась.

Прежде, когда она была счастлива, ее лицо светилось навстречу другому человеку, а потом жизнь навсегда стерла улыбку с ее лица, и она не улыбалась уже никому. Осталась лишь привычка часто хмурить брови.

Да и с чего бы ей, этой девушке, улыбаться Савве? Для нее он был просто приятель, с которым связано много воспоминаний, дорогих для нее, но все-таки воспоминаний. И если она считала Савву особенным, то только из-за дурацкого Дара, сигналы которого теперь были настолько слабы, что Савва спрашивал себя иногда: а действительно ли этот Дар существует или это только плод его воображения?

Очень давно, когда Савва был еще ребенком, Дар был более осязаемым, более... смелым. Он реагировал на самые разные предметы, вещи, ну и на людей, конечно. В первую очередь, на людей. Стоило Савве прикоснуться к кому-нибудь – внутри у Саввы, где-то на уровне глаз, начиналось свечение, очень красивое. Его цвет, мерцание, яркость зависели от того, что чувствовал Дар. Прикосновение к маленьким детям, к их вещам вызывало у Дара щенячий восторг, и он светился радостью, переливался разными цветами, как калейдоскоп. Море внушало Дару восторженный страх, а если поднимались большие волны, вызывало легкую панику, и Дар заливал Савву потоком синего цвета. Когда мать гладила Савву по голове, Дар излучал нежное, обволакивающее свечение с немного неровными импульсами, должно быть потому, что она всегда была чем-то обеспокоена и часто тревожилась по пустякам.

Однажды мать, разговаривая по телефону, сказала кому-то раздраженно: «Ну извините меня, ради бога! Если бы я знала, что это случится, я непременно вас предупредила бы. Но я не знала. Я не обладаю даром предвидения.»

Савва валялся в постели с воспалением легких, ему было скучно, и он спросил, когда она подошла и потрогала его лоб прохладной рукой:

– Мам, что такое дар предвидения?

– Что? Какой дар? Ах, вот ты о чем! – мать засмеялась, вспомнив собственные слова, и уже серьезно объяснила:

– Это такие способности, когда заранее знаешь, что произойдет. Или если, скажем, какой-нибудь человек задумает тебе навредить, ты прочтешь его мысли и не позволишь ему это сделать...

– А почему «Дар»?

– Потому что такие способности – это дар свыше, понимаешь? Он дается только очень редким людям. Особенным.

– А ты бы хотела иметь дакой дар? – не отставал Савва.

– Конечно, хотела бы! Если бы у меня был такой дар, я бы ни за что не поддалась на твои уговоры и не отпустила бы тебя на каток в ту субботу. – и горестно вздохнула. – Хотя я и без

всяких даров знала, что ты заболеешь. Тебе совершенно нельзя переохлаждаться. Вторая пневмония за полгода! Это просто безобразие...

Мать заставила Савву померить температуру, выпить противное лекарство и все это время сетовала на климат, на слабое Саввино здоровье, на собственное легкомыслие... А Савва уже не слушал ее. Он думал, что может быть, он особенный, раз у него есть этот подарок свыше. И с тех пор стал мысленно называть свои странные ощущения Даром.

Дар заявлял о себе очень часто, особенно когда ему что-то нравилось. Он действительно напоминал жизнерадостного щенка, очень дружелюбного и любопытного.

Но в восьмилетнем возрасте, отдыхая с матерью на море, Савва впервые столкнулся с повзрослевшим Даром.

Они сняли комнату в большом доме, почти у самого моря. Мать долго торговалась с домовладелицей, тетей Грушей, жизнерадостной, толстой старухой: мать напирала на тесноту (в доме жили еще две семьи) и отсутствие комфорта (удобства во дворе), тетя Груша – на свежий морской воздух, близость пляжа и собственное гостеприимство. Когда они, наконец, сторговались, Савва вздохнул с облегчением потому что боялся, что они никогда не договорятся, а ему не терпелось поскорей пойти купаться.

Сожители оказались людьми приветливыми, дружелюбными, и когда все завтракали за длинным столом в саду, Савве казалось, что они с матерью – члены одной большой семьи.

Кстати, именно за завтраком тетя Груша и сообщила всем, что ночью свободную комнату снял парень, студент, и теперь у них будет еще один сожитель.

Парень вышел к столу, жадно вдыхая свежий утренний воздух, смачно потянулся и объявил, что его зовут Серега. Кудрявый, рыжий, как морковка, в клетчатой рубашке и потертых джинсах, он всем понравился, особенно своей простецкой улыбкой с широким просветом между передними зубами. Веселый, по-студенчески бесшабашный, Серега быстренько со всеми перезнакомился и потом часто веселил отдыхающих разными байками и случаями из жизни, а когда погода портилась и купание отменялось, пел под гитару песни собственного сочинения. По крайней мере, так он говорил. Если кто-то сомневался в его авторстве, он неистово божился и клялся здоровьем своих родителей, что написал эту песню только что, буквально полчаса назад. Конечно, он ужасно много врал, не без того! но все относились к нему с симпатией, и мать сказала как-то: «Бывают же такие люди, легкие, беззаботные, как мотыльки. Даже завидно.» И вздохнула. Для нее беззаботность была непозволительной роскошью: она растила сына одна, на мизерную зарплату, и, чтобы раз в год вывезти его к морю, приходилось изрядно покрутиться.

Серега ходил купаться только по вечерам, говорил, что рыжие обгорают моментально и что если он пробудет на солнце хотя бы полчаса – с него слезет шкура. Пока остальные постояльцы жарились на пляже, Серега валялся в саду с книжкой или брэнчал на гитаре. На фоне жирной, тенистой листвы его рыжие кудри полыхали как пышный экзотический цветок.

Савве он тоже нравился.

До тех пор, пока однажды утром Серега по-дружески не хлопнул его по плечу:

– Как дела, пацан?

Как только его крупная, в веснушках, ладонь коснулась Саввы, Дар вздрогнул и вдруг разлился омерзительным пятном ядовито-зеленого цвета, вызвав у Саввы приступ тошноты. Это было очень неожиданно и неприятно, как если бы вы склонились над красивым цветком, и вместо нежного аромата вам в нос ударил бы запах гнили. Почувствовав сильнейшее отвращение, Савва брезгливо дернул плечом и отпрянул. Серега заметил это, посмотрел на него внимательно, в прищуренных глазах промелькнуло что-то хищное, вокруг глаз собрались резкие морщины, и Савве показалось, что Серега намного старше, чем говорит. Он сел перед Саввой на корточки и спросил вкрадчиво:

– Ты чего, старичок? А? Что с тобой?

– Я...я ничего. Мне надо идти, – пробормотал Савва и понесся в комнату мимо изумленной матери, которая ждала его, чтобы идти купаться. В комнате он стал хватать руками все подряд, несколько раз умылся холодной водой, чтобы избавиться от тошнотворного ядовитого пятна внутри. Глядя на эти манипуляции, мать ничего не сказала, только покачала головой. Она привыкла к странностям сына и объясняла причуды его характера тем, что он растет без отца.

Одно только упоминание о Серее заставляло Савву морщиться. Он не испугался. Просто Серега мог дотронуться до него еще раз, а ему не хотелось снова испытать чувство гадливости, которое вызывал у Дара этот симпатичный с виду парень.

А вечером в доме поднялся ужасный переполох. Оказалось, что пока все были на пляже, а тетя Груша уходила на почту, Серега обокрал ее и постояльцев и скрылся в неизвестном направлении. Женщины плакали и показывали друг другу раскрытые чемоданы, перечисляли пропавшие вещи, мужчины хмурились и, стоило упомянуть Серегу, матерились на чем свет стоит. Всех опрашивали люди из милиции, даже мать Саввы, а Савву никто ни о чем не спросил. Кто станет слушать восьмилетнего мальчишку? Да и что он мог сказать? Не станешь же всем подряд рассказывать о Даре! Если не считать сильное огорчение матери, Савва был доволен: здорово, что Дар видит людей насквозь!

Доверившись Дару, Савва прикасался к другим людям, к предметам и получал целую гамму чувств при этом. Одни люди нравились Дару, другие – нет. Некоторые внушали ему опасение, хотя и выглядели очень милыми. Савва улавливал тревожные сигналы и старался держаться от таких людей подальше, потому что Дар никогда не ошибался, как не ошибаются легкие, вдыхающие ядовитый газ.

С Грином все было иначе.

Грин не понравился Савве. Савве было десять, а Грину – тринадцать. Он был настроен воинственно. Ему показалось, что Савва много умничает, и за это он разбил ему нос и очки. Но, видя как Савва подслеповато щуря глаза, пытается вставить дрожащей рукой стекло в оправу, сел рядом, виновато шмыгнул носом, протянул Савве грязный платок:

– На... вытри кровь-то.

Он не любил бить слабых.

Они помирились и пожали друг другу руки. И за это рукопожатие Дар отблагодарил Савву чистым ровным сиянием, которое еще долго теплилось где-то внутри, даже когда они разошлись по домам.

Некоторые люди, шумные, яркие, необычные, по мнению Саввы, непременно должны были вызвать реакцию Дара. Савва прикасался к ним украдкой, прислушивался к себе, но Дар оставался равнодушным, даже скучал. И Савва стал относиться к нему как к разумному существу, обладающему своеобразным характером, непредсказуемым, капризным и немного обидчивым. Даже чувство юмора у него имелось. Как-то на перемене на Савву толкнули огромную старшеклассницу по прозвищу «Бульдозер», и она обрушилась на него всем своим весом. Савве показалось, что он попал под каток, и он едва очухался, а Дар послал нежные, «любственные» сигналы, мол, я в восторге! Савва понял тогда, что Дар пошутил. «Он еще и шутит!» – поморщился Савва, потирая ушибленное колено. Ему тогда уже было лет пятнадцать, и отношения между ними стали портиться.

Как всякий подросток, Савва считал, что теперь сам отлично разбирается в людях, не нуждается в предостережениях и воспринимал Дар с его советами не как подарок, а как досадное неудобство.

Дар вел себя по-хозяйски, «минусовал» людей, которых Савва считал вполне приличными, реагировал внезапно, когда ему заблагорассудится, не считаясь с правилами поведения в подростковой среде, «сигналил» посреди ответа у школьной доски, во время важного разговора, да и неважного тоже, и часто ставил своего хозяина в неловкое положение. Улавливая

сигналы, Савва терял мысль, замолкал на полуслове и выглядел как придурок, поэтому за ним закрепилась репутация парня «с приветом». А ему очень хотелось быть как все. Считаться «особенным» среди подростков – очень сомнительное удовольствие.

С экрана телевизора, с газетных листов, со всевозможных сайтов смотрели провидцы, тоже обладатели даров: бледные, патлатые мужики с сумасшедшими глазами, дородные тетки с родинками по лицу перебирали карточные колоды толстыми пальцами с глянцевыми, черными ногтями: «Привороты, обереги, снятие порчи...» Савва брезгливо передергивал плечами: выставить свой Дар напоказ – все равно что раздеться прилюдно. Даже хуже. А уж брать за это деньги! Савва пришел к выводу, что в этих людях нет ничего особенного, что они просто морочат всем голову, и ему не хотелось иметь с ними ничего общего. Он никому не рассказывал про Дар, кроме самых близких. Он не хотел, чтобы его считали чокнутым и бегали к нему узнавать будущее. Да Дар ничего такого и не умел. Он просто подавал сигналы, которые можно было истолковать как угодно. Наверное, это был очень молоденький, совсем неопытный дар. И Подарком судьбы его можно было назвать с большой натяжкой. Не подарок, а так... небольшой сувенир.

В конце восьмого класса Савва увлекся биохимией, и стал объяснять все жизненные процессы с научной точки зрения. Дар не вписывался в этот подход, противоречил законам, не только науки, но и логики, и не поддавался никаким объяснениям. Савва даже проконсультировался у химика, который факультативно преподавал основы биохимии и с которым Савва часто общался после уроков. Ну как проконсультировался, сказал, что у него есть один странный приятель, который иногда испытывает необычные ощущения, описал симптомы. Химик сначала рассмеялся и назвал приятеля большим фантазером, который таким способом просто хочет привлечь к себе внимание, сказал, что в такие вещи верят только не очень умные люди и впечатлительные, романтичные барышни. Правда, внимательно посмотрев на Савву и заметив, что Савва разволновался, добавил, что пусть приятель особенно не расстраивается, что, мол, в природе есть множество разных явлений, объяснить которые с научной точки зрения пока не представляется возможным. Савва же запомнил только первую часть разговора и стал относиться к Дару пренебрежительно, игнорировал его предупреждения, пытался мысленно «глушить» сигналы, а если это не получалось – нарочно общался с теми, кто вызывал у Дара антипатию. Последний раз их мнения совпали, когда пять лет назад Савва встретился с отцом.

Отец ушел от матери, когда Савве не было двух лет, и почти сразу же женился на другой женщине, о которой мать не любила говорить. Примерно раз в два или три года, он вспоминал про первую семью и звонил матери, чтобы узнать, не нуждаются ли они в чем-нибудь и предложить деньги. Она говорила отцу, что с деньгами у нее, слава богу, проблем нет, что она прилично зарабатывает, сама может ему одолжить, если нужно и, кстати говоря, ее скоро повысят, так что денег будет еще больше. Савва слушал и изумлялся про себя: как можно так беззастенчиво врать? Сама же только что занимала у соседки. А тут на тебе! Разбогатела... И это при том, что мать ненавидела вранье. Наверное, отец ей не верил, потому что он что-то отвечал ей и она начинала раздражаться, а потом всегда бросала трубку. Савва был уверен, что она его терпеть не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.